

Vienna, Austria
XXXV IFUSCO 2019

XXXV IFUSCO Book of Abstracts

University of Vienna

24.4.2019–26.4.2019

Contents

Foreword	7
Nikolai Anisimov: Käitumis- ja kommunikatsiooni mudelid privaatsete mälestamisrituaalide kontekstis lõunaudmurtidel	8
Евгений Бадртдинов: Современная периферийно-локальная традиция дохристианских молений у удмуртов (на примере д. Алтаево Республики Башкортостан)	8
Máté Baksa: Born of Hungarian and Finnish Bible translations	9
Оксана Белкина: Excerpts on the history of study of Mordovian literary languages (based on dictionary entries of XVII–XVIII centuries.)	9
Mariann Bernhardt: Ersän ja mokšan määräiset objektit havaitsemisverbien valossa	10
Eszter Bihari: Indirect directives in the kindergarten. A contrastive analysis of the Finnish and German language	11
Алина Чернова: Фольклорные мотивы в творчестве художников-этнофутуристов	11
András Czentnár, Nikolett F. Gulyás: Finnugor ♥ Török	12
Larisa Dmitrieva: Young Kedra Mitrey's Life-creation strategies: building a reputation as a Udmurt writer	13
Riku Erkkilä: Heikki Paasonen – seine Karriere und seine Bedeutung für Uralistik	14
Valeriia Fedorova: Традиции удмуртов: Проводы в армию	15
Ekaterina Fedoseeva: Komi-Perm tree and shrub names: composition and structure	16
Кристина Федулова: Звуковая символика удмуртских аффрикат и значение слова	17
Кристина Габова, Наталья Чувьюрова: Ухтаса коми том войтырлөн отувтчём «Томулов»	18

Ренат Гарафутдинов: Komi language: the issue of its preservation	20
Grigoriy Grigorev: Удмуртские мобильные приложения	20
Johannes Hirvonen: Liivin partikkeliverbien datiiviohjektit	21
Ольга Иевлева: Баренц Советлӧн международнӧй удж эффективность Коми Республикаын	21
Ekaterina Ivanova: Языческие верования удмуртов деревни Варклет-Бодья Агрызского района Республики Татарстан	22
Marin Jors: The glimpse into the development of e-Estonia	23
Hana Kalábová: How do Czech speakers perceive sound symbolism of Finnish language?	24
Nataliya Kalanova: Семантика неопределенных местоимений в горномарийском языке	25
Elvira Kalniņa: Eesti ja liivi köök nagu kujutama Lätis trükiällikad	27
Алина Кардапольцева: Удмуртӥёслэн армие келян йылолазы кутӥськись арбериослэн ватскем пуштроссы	27
Éva Katona: Changing attitude and language in the youngest generations of the Russian speakers in Estonia	28
Evgeniia Kharitonova: Немец кылъя урокӥёсын удмурт лулчеберетэн тодматскон	30
Иван Хохряков: Развитие земледелия в Удмуртии	31
Татьяна Хохрякова: Удмурт шаерысь шор ёросӥёсын но Шаркан ёросын улись удмуртӥёслэн сям-йылолъёссы. Соослэн туннэ нуналын улэмзы но улземзы.	32
Jani Korhonen: Etnikai hovartozási kategóriák a 2020-as oroszországi népszámlaláson	33
Imar Koutchoukali: Der Lurjus kommt um die Nurke: Eesti laensõnade grammatilise soo määratlemine baltisaksa keeles	33

Denis Krivosheev: Place branding based on ethnic heritage	34
Anastasiia Krotova-Garina, Iuliia Shkuratok: Ethnolinguistische Beschreibung einer mythologischen Figur des Wassergeistes „Wakul“ (auf der Grundlage des Materials von komi-permjakischen mythologischen Texten)	35
Efim Kurdiukov: Состояние культуры народа коми в Республике Коми на современном этапе	36
Pavel Kutergin: The representation of Udmurt culture through the example of the Udmurt group of “garmon” players Shud	36
Anna Kuznetsova: Venemaa, Soome ja Eesti mittetulundusühingute tegevus	37
Elena Lastochkina: Названия атмосферных явлений в марийском языке	38
Виктория Лебедева, Екатерина Шильникова: Образовательные электронные ресурсы по коми языку для смарт-поколения	39
Anti Lillak: Возникновение этнической группы сету – дебаты не прекращаются	40
Анна Махотина: Микротопонимы и гидронимы бассейна р. Вашка Удорского района Республики Коми	41
Timea Mertl: Saamelais- ja serbinuorten identiteetti ja kielenkäyttö Suomessa ja Unkarissa	42
Августина Михайлова: Лингвистические и экстралингвистические аспекты субтитрования при переводе кинофильмов с венгерского языка на удмуртский язык	43
Veronika Milanova: Роль ареального фактора в формировании терминологий родства	44
Anna Mishina: Misjonitöö, kunst ja etnograafia: fiktsioon või visioon	44
Bridget Frances Moran: Die Revitalisierung des Livischen	45
Merit Müller: Az inari számi asszociatív duális	46
Galina Nekrasova: Entrepreneurship as a factor of economic growth in the northern regions of Russia	46

Dániel Németh: Az új finnugor–ótörök etimológiai vita és a magyar nyelvtörténet	47
Zoltán Németh: The use of contemporary music to improve the prestige of Udmurt language	48
Izabella Nyári: Emigráció és kultúraközvetítés: magyar műfordítók a két világháború között	49
Patrick O'Rourke: The Livonian substrate in Estonia and Latvia	49
Miklos Papp: Sporadic sound changes in some Uralic languages	51
Елизавета Першина, Зоя Рябчикова, Оганес Арутов: Peter Khatanzeev – the author of the first Khanty primer	51
Дмитрий Петелин: Temporal expressions in Hill Mari: adverbials or NPs	52
Alexandra Pukánszky: Sukupuoliin liittyvä sanankäyttö Suomessa ja Unkarissa	54
Marina Romanova: Специфика перевода современной венгерской прозы на удмуртский и русский языки	55
Annija Rošāne: Toponüüme "Postimees" pealkirjades: 1918 ja 2018	56
Manuela Ruzicka: Der Umgang mit Eigennamen in den deutschsprachigen Übersetzungen und Bearbeitungen der Kalevala im Vergleich	56
Andrej Števko: Johtavat genret saamelaiskirjallisuudessa 1900-luvulla	57
Viktoriia Shvachko: Phraseological units with animalistic components in Hungarian and their equivalents in other languages	58
Sergei Sidorov: Виртуальной экспедицией кылдытонъя тодон-быгатонлык	60
Anastasiia Sidorova: Удмурт лулчеберетэз утен Эстониысь «Юмшан гур» огазеяськонлэн пример вылаз	61
Daria Silina: Восприятие интонационных контуров английских предложений студентами-удмуртами (к проблеме просодической интерференции)	61
Yulia Speshilova: В чем моя суперсила? – Моя дочь говорит на удмуртском!	61

Silja-Maija Spets: Ирӹнӹ вӹхӹтсенӹн эвиденциальности мари тата чӹваш чӹлхисенче	62
Ezhevika Spirikina: Musical Code of the Wedding of the Erzya (Exemplified by the Village of Stariye Turdaki)	63
Dominika Striřzkov: Diminutives in Finnish	64
Bogta Timr: „Ha nagy leszek, smn leszek!” – Hogyan mesljnk finnugrisztikrol gyerekeknek?	64
Marili Tomingas: Demonstratiivid ja personaalpronoomenid liivi keeles	65
Elena Vedernikova: The collective identity of the Mari	66
Viktoriia Verzunova: Stating the problem of the reception of concrete poetry in Finland	66
Iida Virtanen: Netti suomalais-ukrilaiste kilte opiskelija apun	67
Раиса Волкова: Туала удмурт пелляськон сям-йылолӹслн аспӹртмлык-сы	68
Naoki Watanabe / 渡辺 尚輝: Personal phrasebook in 14 languages	69
Екатерина Ясонова: Удмурт, пор но коми калыклӹсь мадиськонӹсс эскерыса ӹошатон	69
Dmitrii Zelenskii: Suppletion in Finnish locational cases	70

Foreword

The International Finno-Ugric Students' Conference (IFUSCO) was first held in the spring of 1984 in Göttingen, and quickly became a mainstay of the Finno-Ugric World. A yearly conference, organized by students for students, haphazardly moving from city to city each year, it has long given young scholars of our discipline an open forum for discourse and an easily accessible window into international scholarly and cultural happenings in our scene. We, the students and staff of the Department of Finno-Ugrian Studies at the University of Vienna, were happy to be chosen as the host of this year's 35th iteration of the conference.

Our department once before hosted this conference, in 1989. As enough time has passed since then to ensure that the critical mass of our organizing team was not yet born at that point in time, our recollection of the event is hazy. We have no accurate documentation on the scope and nature of the first Viennese IFUSCO, but our colleagues tell us of several dozen participants. This year, we have 133. In their talks, they are presenting their research on linguistics, ethnography, folklore studies, history, literature, translation studies, tuition, and archeology of Uralic (Finno-Ugric) speaker communities.

This electronic book of abstracts is the only intended version; we are not going to create a hard copy. It will ensure that the diverse set of fascinating presentations we are currently looking forward to will remain accessible to the scholarly world. It will also give the organizers of the 65th International Finno-Ugric Students' Conference, to be held at the Department of Finno-Ugrian Studies and Xenolinguistics in April 2049, a better idea of how a previous generation organized this conference than we do. It should be noted that contributors had editorial responsibility for their abstracts; we do not take any responsibility for the content and style of the contributions.

We would like to express our gratitude to all those that made this conference possible: The University of Vienna's Department of Jewish Studies and Department of Near Eastern Studies, the Faculty of Philological and Cultural Studies, the IFUSCO-2018 team (♥Anna Kuznetsova♥, Merit Müller, Carmen Nölvak), our invited guest presenters (Zsófia Schön, Bogáta Timár, Valeria Fedorova), our BA-level student helpers, our moderators, and numerous colleagues who helped us translate our publicity materials.

The IFUSCO-2019 team (sorted alphabetically by surname):

Jeremy Bradley	Johanna Laakso	Esther Stocker
Caroline Domes	Viktor Martinovic	Triinu Viilukas
Johannes Hirvonen	Micke Mayer	
Imar Koutchoukali	Christian Pischlöger	

Vienna, 2019

Nikolai Anisimov: Käitumis- ja kommunikatsiooni mudelid privaatsete mälestamisrituaalide kontekstis lõunaudmurtidel

Artikkel näitlikustab 21. sajandi alguse lõunaudmurtide traditsioonis olevaid privaatse mälestamisega seotud käitumise ja kommunikatsiooni stereotüüpe. Välja tuuakse Kijasovo rajooni udmurtide mälestamisteenistuse rituaalse korralduse traditsioonilised ja “novaatorlikud” omapärad. Analüüsitakse selle rituaali erinevaid kultuurikoode – tegevuslikku, sõnalist, atribuutivset, isiklikku, ruumilist, ajalist jms. Põhinen selles uurimuses välitöö materjalidel, mida kogusin Udmurdimaa Kijasovo rajooni udmurdi asulates ajavahemikul 2007–2018.

Kijasovo udmurtide näide on huvitav, sest vaatamata välisele kuuluvusele õigeusu rüppe on nad siamaani säilitanud ning viivad läbi vanaudmurdi vaimse kultuuri kombeid ja rituaale. Elades Udmurdimaa lõunaosas ning erinevate rahvuste naabruses (venelaste, tatarlaste, maride), moodustavad nad mitmekultuurilise ruumi, mida iseloomustab omanäoline usundilis-mütoloogiline maailmavaade. Viimaste aastate (2007–2018) uurimistööd näitavad, et selles grupis on toimunud mõned muutused ja tekkinud lahkeliidid võrreldes traditsiooniliste kaanonitega. Need muutused puudutavad privaatsetes mälestamisrituaalides pea kõiki tasemeid, alates rituaali kindlaksmääratud toimumisaajast kuni inimeste käitumise ja suhtluse rituaalses ruumis ja ajas. Sellised kultuuri-protssid põhjustavad ühelt poolt sakraalse informatsiooni vale kodeerimist ja dekodeerimist, ja selle tagajärjel viivad rituaali lihtsustumise ja muutuse ning variatiivse käitumise ja kompromisside otsimiseni. Teiselt poolt siluvad arvutud välised ümberkujundamised ja järkjärgulised uuendused rituaalse stsenaariumi traditsiooniväliseid “konarusi”, moodustades üldkokkuvõttes traditsiooni praeguse seisuga.

Евгений Бадртдинов: Современная периферийно-локальная традиция дохристианских молений у удмуртов (на примере д. Алтаево Республики Башкортостан)

Доклад Башкортостан республикасы Буряевской ёросысь Алтау гуртысь камсьор удмуртгёслэн христиан религилэсь азьло осконзэс дышетон вылэ пыкиське. Та туркыме пырись калыклэн аспёртэмлыкез асьсэ осконзылэсь вашкала сям-йылолгёссэс утемзы луэ.

Тужгес но арлы быдэ инвожо толэзь пумын ортчись Бадзым Вось но Пичи Вось йыбырттон пусъемын луоз.

Бадзым инты висъяны малпамын восяськонгёслэн туалы улонзылы, соосты традиционной осконзэ сямэн утёнлэн кулэлыкезлы, ритуальной сям-йылолгёс-

лэн валтись люкетъёссылы, удмурт язычестволэн Башкириысь мукет конфессиясын ваче кусып возёнэзлы. Люкам материал удмуртъёслэн вашкала религиозной адзонзылэсь туалы процессъёс улсын воштыськемзэ возматэ. Озы, кылем даурысь литературной источникъёсын но экспедициысь материалъёсын чошатыса, калыклэн осконэзлэн обрядовой люкетыз огшорыгес луэ. Та воштыськонъёс валэктэмез но азыланьзэ чакланэз куро.

Máté Baksa: Born of Hungarian and Finnish Bible translations

In meiner Präsentation vergleiche ich die Entstehung der frühen ungarischen und finnischen Bibelübersetzungen. Ich halte es für wichtig, sowie auf die Übersetzer, als auch auf die Besonderheiten der von ihnen gebrauchten Sprachen zu reden zu kommen. Demzufolge soll ich die geschichtliche Lage in der Zeit der finnischen bzw. ungarischen Bibelübersetzungen erwähnen. Heutzutage, sowie damals, befinden sich die Ungarn und die Finnischen zwischen zwei großen konfessionellen Blöcken, trotzdem folgten beide Nationen die westliche, d.h. lateinische Bibeltradition, und die Bibelübersetzungen erstanden nach den inneren Veränderungen der westlichen Kirche. Wegen der Vielseitigkeit des Themas präsentiere ich die Ereignisse auch aus mehreren Perspektiven. Schließlich stelle ich die Wichtigkeit der Übersetzungen zur Schau.

Оксана Белкина: Excerpts on the history of study of Mordovian literary languages (based on dictionary entries of XVII–XVIII centuries.)

Mordovian people have long attracted the attention of scientists and travelers by originality of their language, life and culture. The works by authors of the past centuries contain a great deal of details on the material and spiritual culture of the Mordvins in a particular period of their history.

The emergence and evolution of the Mordovian writing, was first described by a professor of philology, A.P. Feoktistov [2]. He revealed, analysed and classified the manuscripts of the XVII–XVIII centuries.

About three hundred years ago in Amsterdam an essay on the Mordovian ethnography included the first Mordovian dictionary went out (325 dictionary entries); it was published by Dutch scientist Nicholas Witsen (Nicolaes Witsen) (1641–1717) in his book “North and East Tartary”.

During his traveling through Siberia in 1719–1727 a new and highly valuable material covering the Paleo-Asiatic’s ethnography, Turkic and Finno-Ugric peoples was

collected by Daniel G. Messerschmidt (1685–1735). His paper “Specimen der Zahlen und Sprache Finiayer. . .” featured wordlists from a number of Finno-Ugric languages, including Mordovian ones.

The next author, whose works mentioned the Mordovian words, was F.I. Tabbert von Stralenberg (1676–1744). His work “Historical and geographical description of the Northern and Eastern parts of Europe and Asia”, which devoted some place to Mordovian vocabulary, was written in German, translated and published in English (1736, 1738), French (1757) and Spanish (1780).

A great enthusiast of the idea about the origin of languages “from the common proto-language” was Johann Eberhard Fischer (1697–1771), who was concerned with studying aboriginal languages.

The Mordovian languages were also given a thorough account by P. I. Rychkov (1712–1777), P. Pallas (1741–1811), I. I. Lepekhin (1740–1802), I. Georgi (1729–1802) and others during their ethnographic (field) trips.

Therefore, the sources of the XVII-XVIII centuries, explored by A.P. Feoktistov, supply us with immense amount of valuable facts about the language, material and spiritual culture of the Mordovian people.

References:

1. Феоктистов А. П. Истоки мордовской письменности / А. П. Феоктистов. – М. : Наука, 1968. – 99 с.
2. Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменнo-литературных языков / А. П. Феоктистов. – М. : Наука, 1976. – 260 с.

Mariann Bernhardt: Ersän ja mokšan määräiset objektit havaitsemisverbien valossa

Esitelmässäni tarkastelen, millaisia objekteja ersä ja mokša käsittävät määräisiksi ja miten erilaiset objektit vaikuttavat transitiiivierbien konjugaatioon. Tarkasteluni keskipisteenä ovat ersän ja mokšan havaitsemisverbit ja niiden kanssa esiintyvät objektit. Mordvassa transitiiivierbejä voi taivuttaa sekä objekti- että subjektikonjugaatioissa. Objektin määräisyys ja aspekti vaikuttavat konjugaation valintaan. Verbi voi olla objektikonjugaatioissa vain määräisen objektin kanssa ja tämä rakenne ilmaisee yleensä loppuun suoritettua toimintaa. Mikäli verbi on subjektikonjugaatioissa määräisen objektin kanssa, se ilmaisee jatkuvaa, päättymätöntä toimintaa.

Tietyt verbiryhmät noudattavat kuitenkin eri sääntöjä. Aiempien tutkimusten mukaan havaitsemisverbien konjugaatioon vaikuttaa pelkästään objektin määräisyys. Määräisen objektin kanssa havaitsemisverbit ovat objektikonjugaatioissa, kun puolestaan epämääräisen objektin kanssa ne esiintyvät subjektikonjugaatioissa. Aspektilla ei ole

vaikutusta näiden verbien konjugaatioon, joten ne tarjoavat hyvän aineiston tarkastelemaan objektien määräisyyttä.

Aineistona käytän Turun yliopiston tarjoamaa MokshEr korpusta, joka sisältää kirjakielisiä tekstejä ersäksi ja mokšaksi, ja lisäksi haastattelen ersän ja mokšan tutkijoita Saranskissa huhtikuussa. Aineiston perusteella esittelen ersän ja mokšan välisiä eroja objektikonjugaation käytössä ja erilaisten nominiluokkien käyttäytymistä ja niiden vaikutusta verbin konjugaatioon. Alustavien tulosten mukaan havaitsemisverbi esiintyy myös subjektikonjugaatiossa määräiseksi merkityn objektin kanssa. Tietynlaiset abstraktit ilmaisut ja eräät pronomini luokat eivät edellytä objektikonjugaation käyttöä ersässä, vaikka mokšassa ne esiintyvät objektikonjugaatiossa taivutetun verbin kanssa. Myös resiprookkipronomini käyttäytyy eri tavalla näissä kielissä: ersässä se on possessiivisessa taivutuksessa ja aiheuttaa objektikonjugaation käytön, mutta mokšassa se on perustaivutuksessa ja verbi on subjektikonjugaatiossa sen kanssa. Havaitsemisverbit voivat ottaa objektiksi myös sivulauseita. Mikäli havaitsemisverbin objektina on sivulause, mokšassa verbi esiintyy objektikonjugaatiossa, mutta ersässä verbin konjugaatio vaihtelee suuresti. Esitelmässäni tarkastelen myös sitä, mikä aiheuttaa verbin konjugaation vaihtelua ersässä sivulauseiden kanssa.

Eszter Bihari: Indirect directives in the kindergarten. A contrastive analysis of the Finnish and German language

The goal of my presentation is to collect and compare with each other the grammatical constructions of the Finnish and German language, whereby a requisition can be expressed – so as directives can be used. As examples are showed instructions collected by myself in Finnish and German kindergartens. During the research I focused on the speech, instruction-giving of the adult nursery teachers.

In my presentation, first of all I give a compact review about the theoretical basis of my research, as speech act-theories of Austin (1962) and Searle (1969), as well as the definition of directives and indirect directives. On the other hand I speak briefly about learning of speaking of children in the young ages. Lastly I analyse the representative samples quantitatively and qualitatively to give a detailed overview of directive-using, and typical nuances of both languages.

Алина Чернова: Фольклорные мотивы в творчестве художников-этнофутуристов

1. Направление этнофутуризм существует более двадцати лет. Вероятно, оно напрямую связан с кризисом традиционных ценностей в обществе, по-

литическими переменами в стране и навязыванием массовой культуры. Творческие люди становятся выразителями национальной идентификации. Их работы погружают с мир фольклора через видение современных людей.

2. Художников-этнофутуристов связывает общая нить художественных образов и мотивов. Основная тема, которую возрождают художники, это язычество и фольклор своего народа. Мифические и сказочные герои ложатся в основу картин финно-угорских художников. Корни культуры финно-угорских народов основаны на языческом мировоззрении. Мифологическое сознание, бытующее в фольклоре, обрядах, выступает как особая форма общественного сознания, сосуществующая с религиозным и художественным сознанием.

Мифология и фольклор становится для художников не только одним из способов познания прошлого, но и источником вдохновения, основой творческого процесса.

András Czentnár, Nikolett F. Gulyás: Finnugor ♥ Török

A magyar nyelvészet történetének nevezetes korszaka volt az ún. „ugor-török háború” (vö. Vámbéry 1870; Budenz 1871), melynek során igazolták, hogy a magyar nyelv finnugor eredetű. Ugyanakkor többször és több szempontból kutatták azóta is a magyar-török nyelvi kapcsolatok hátterét (vö. Róna-Tas 1978: 433–437). Napjainkban tudományos fórumokon és a sajtóban ismét sokan próbálnak érvelni a magyar nyelv és nép török származása mellett. Ez a kérdés valójában ennél jóval bonyolultabb, hiszen a magyar nép identitása, ahogyan más népeké is, több komponensből tevődik össze. A magyar őstörténetet csak interdiszciplinárisan, a történettudomány, a nyelvészet, a régészet, a genetika stb. eredményeit együttesen felhasználva lenne kívánatos vizsgálni, ezáltal ugyanis feloldhatók eredetkérdésünk látszólagos ellentmondásai.

A török nyelvi hatásokat történetileg elsősorban fonológiai, morfológiai szinten és a szókincsben vizsgálták (pl. Ligeti 1986; Róna-Tas – Berta 2011). A (morfo)szintaxisban ugyanakkor vannak további elemzést igénylő kérdések (pl. a tranzitivitás és az argumentumszerkezet), amelyek kutatása nyelvtörténeti, areális nyelvészeti és tipológiai szempontból is ígéretes lehet. A történeti forrásokból ismert (besenyő, kun stb.) kontaktusok vizsgálatán túl a magyarnak a Volga-vidék török nyelveivel való összehasonlítása (és tágabb értelemben a nyelvi area finnugor és török nyelvi kapcsolatainak feltérképezése) újabb szempontokat hozhat az őstörténeti kutatásokba.

A fentiek fényében egy ilyen típusú összehasonlító nyelvészeti vizsgálatban figyelembe kell venni az újabb régészeti (Boldog et al. 2015) és genetikai (Csösz et al. 2016)

kutatási eredményeket. Ehhez azonban elengedhetetlen, hogy a kutatók tisztában legyenek tudományterületük illetékességi körével, egyben törekednünk kell arra, hogy az őstörténeti kutatásokban ne az ellentmondásokra helyezzük a hangsúlyt, hanem próbáljuk a kapott adatokat egy nagyobb kirakós egymáshoz illeszthető darabjaiként értelmezni.

Előadásunkban a magyar őstörténeti kutatások aktuális kérdéseit foglaljuk össze vázlatos formában két fő témát helyezve előtérbe. Először felvonultatunk néhányat a témakör kapcsán a tudományos sajtóban és más fórumokon felmerült régi-új elképzelésekből, majd bemutatjuk, hogy a török és a finnugor örökség valójában nem zárja ki egymást, sőt jól megfér egymás mellett.

Hivatkozások:

- Boldog, Zoltán – Petkes, Zsolt – Sudár, Balázs – Türk, Attila (2015), From the ancient homelands to the Carpathians – From the finds to the apparel. Travelling Exhibition of Posters on the Most Recent Results from Archaeological Research on Ancient Hungarian History and the Conquest Period. *Magyar Régészet* 3: 1–8. (http://files.archaeolingua.hu/20150/Turk_H150.pdf, megtekintés: 2019. 2. 28.)
- Budenz József (1871), Jelentés Vámbéry Á. magyar-török szóegyeztéseiről. *Nyelvtudományi Közlemények* 10: 67–135.
- Csösz, Aranka – Szécsényi-Nagy, Anna – Csákyová, Veronika – Langó, Péter – Bódis, Viktória – Köhler, Kitti – Tömöry, Gyöngyvér – Nagy, Melinda – Mende, Balázs Gusztáv (2016), Maternal Genetic Ancestry and Legacy of 10th Century AD Hungarians. *Scientific Reports* 6. Paper: 33446. (<https://www.nature.com/articles/srep33446>, megtekintés: 2019. 2. 28.)
- Ligeti Lajos (1986), A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Akadémiai Kiadó, Budapest.
- Róna-Tas András (1978), A nyelvrokonság. Kalandozások a történeti nyelvtudományban. Gondolat, Budapest.
- Róna-Tas, András – Berta, Árpád (2011), West Old Turkic. *Turkic Loanwords in Hungarian*. I–II. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden.
- Vámbéry, Ármin (1970), Magyar- és török-tatár szóegyeztések. *Nyelvtudományi Közlemények* 8: 109–189.

Larisa Dmitrieva: Young Kedra Mitrey's Life-creation strategies: building a reputation as a Udmurt writer

The abstract presents the results of the research Udmurt writer Kedra Mitrey's (1892–1949) life-creation. Writer's biography and his literary behavior investigated as a relationship of stories, characters and themes. In unity they form a single artwork. Studying poetics and the literary behavior allows more systematic describe the integration's

process of literary behavior's models and literary texts. And thus life-creation Kedra Mitrey's strategy is identified. The analysis would require conceptualization of invariant patterns of life and creative behavior that were typical of the all-Russian democratic *intelligentsia*.

Kedra Mitrey remained a peasant, and the values and ideals of the peasant community were important to him. At the same time, he agreed with the opinion of the contemporary cultural society about the situation of the non-Russian peoples of Russia. The main idea is the quickest introduction of the native peoples to civilization through the assimilation of the Russian and Udmurt peoples. And Kedra Mitrey considered it his task to be a teacher for Udmurt people and incorporate knowledge about the Udmurts into Russian culture.

The intention to carry out this task gave Kedra Mitrey the right to claim a biography of both the writer and the "saint" who preached the truth. Thus, for Kedra Mitrey is being a Writer was a way of moral and spiritual self-improvement; this is not only a formal transition to the social stratum of educated people, but also the his formation as a member of all-Russian democratic *intelligentsia*.

Riku Erkkilä: Heikki Paasonen – seine Karriere und seine Bedeutung für Uralistik

In diesem Jahr wird 100 Jahren passiert von der Tod von Heikki Paasonen. Paasonen war einer der wichtigsten finnischen Uralisten des späten 19. und frühen 20. Jahrhunderts. Trotz seiner bedauerlich kurzen Karriere schaffte er an dem Feld, als ein Forscher und als ein Professor zu arbeiten (Kulonen 2001). Das Werk von Paasonen selbst veröffentlichte und was man hat veröffentlichtet von seinen Nachlass ist ohnegleichen in deren Ausdehnung (Kannisto 1941–1942: 20).

Während seines Lebens unternahm Heikki Paasonen drei Expeditionen in das heutige Russland, um Material aus den Sprachen der Region zu sammeln. Sein Gegenstand waren insbesondere die uralische Sprachen dem Wolgagebiet und Westsibiriens, aber er sammelte auch Material aus der Türkischen Sprachen. Auf seiner ersten Erkundungsreise verließ Paasonen 1889 und blieb dort elf Monate. Auf dieser Reise sammelte er insbesondere Materialien von den mordwinische Sprachen. Er unternahm seine zweite Reise zwischen 1899 und 1901. Diese Reise wurde zuerst in die mittlere Wolga und dann in Westsibirien geleitet. Auf dieser Reise sammelte Paasonen Material zu mordwinische Sprachen, Mari, Khanty, Tatar und Chuvash. Seine dritte Reise machte er zwischen 1902 und 1903 erneut zu den Mordwinen. (Kannisto 1941–1942: 4–19)

Bei diesen Reisen sammelte Paasonen eine große Menge verschiedener Materialien, insbesondere Vokabeln verschiedener Sprachen, aber auch mündliche Folklore wie Märchen, Lieder und Magie sowie Beschreibungen der Sitten und Gebräuche ver-

schiedener Völker (z.B. Heikkilä 1965: 5–7). Es wurden Dutzende von Werken oder Werkserien von Paasonen veröffentlicht, von denen viele heute noch verwendet werden können (Korhonen 1986: 148–149). Insbesondere die aus Paasonens Materialien herausgegebenen Sammlungen von Sprachmustern sind ein hervorragendes Material für das Erlernen des Sprachwechsels, und Wörterbücher enthalten eine enorme Menge dialektale Wortformen und Beispielen, mit denen sowohl frühere als auch gegenwärtige Sprachvariationen untersucht werden können.

Quellen:

Heikkilä, Kaino 1965: Paasonen mordvalaiskeräelmät. – Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja 66: 4 s. 3–49.

Kannisto, Artturi 1941–1942: Heikki Paasonen tutkimusmatkat. – Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja LI: 3 s. 3–49.

Korhonen, Mikko 1986: Finno-ugrian language studies in Finland 1828–1918. The history of learning and science in Finland 1828–1918 11. Helsinki: Societas scientiarum fennica.

Kulonen, Ulla-Maija 2001: Paasonen, Heikki (1865–1919). Kansallisbiografia/verkkojulkaisu. Studia Biographica 4. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. saatavilla osoitteesta <https://kansallisbiografia-fi.libproxy.helsinki.fi/kansallisbiografia/henkilo/5409> (24.2.2019)

Valeriia Fedorova: Традиции удмуртов: Проводы в армию

Традиции удмуртов: Проводы в армию, как обрядовый ритуал, сформировались лишь в XVIII веке, после издания Петром I указа об обязательной воинской повинности, что, в сравнении с другими семейными обрядами, даёт право назвать обряд относительно «молодым».

Обряд проводов в армию функционирует в традиции удмуртов и по сей день, имея множество локальных различий. Однако обряд до сих пор остаётся до конца не изученным, претерпевает изменения, упрощается, либо перестаёт осуществляться, теряя свою значимость в современном укладе жизни удмуртов. Также важной проблемой в сохранении и изучении обряда является то, что носителей традиции становится меньше, а знания о традициях перестают передаваться следующим поколениям.

В своём докладе мы бы хотели подробнее остановиться на песенной составляющей обряда на примере деревни Чутожмон Малопургинского района Удмуртской Республики. Жанр рекрутских песен занимает важное место в песенных традициях удмуртов и принимает на себя главную «проводную» функцию. Не секрет, что из всех жанров обрядового фольклора именно рекрутские песни

обладают наиболее развитой, сложной формой и являются наиболее трудными для исполнения.

На основе собственных экспедиционных материалов, сведениям раритетных источников XIX века, описаниям в современных этнографических трудах удмуртских исследователей, материалам песенных и нотных сборников, а также публикаций в газетах и журналах возможно дать полное описание удмуртского обряда проводов в армию и составить сценарий его проведения, отметить схожие и отличительные черты обряда в д. Чутожмон и проанализировать песенный материал данной местности.

Обрядовые песни имеют функционально важное значение в структуре обряда и, самое главное, составляют своего рода «константный пласт» обрядового песенного репертуара. В традиции д. Чутожмон достаточно полно сохраняются обрядовые песни, исполняемые во время проведения ритуала наряду с современным песенным репертуаром, приуроченным к обряду. Нами записано и проанализировано более 15 образцов; все записанные нами песни исполняются в определённое время и в определённом месте (напр.: в доме во время забивания ленты в матицу, у ворот и т.д.). Изученный нами материал даёт возможность воссоздать полную картину обряда проводов в армию и проводить его для будущих рекрутов.

Ekaterina Fedoseeva: Komi-Perm tree and shrub names: composition and structure¹

Names of flora, in particular that of trees and shrubs, are the most important part of the Komi-Permyak linguistic world view, which reflects the human perception of the surrounding nature. The “Komi-Permyak-Russian Dictionary”, which compiled by R. M. Batalova and A. S. Krivoschekova-Gantman (Moscow, 1985) was this study’s material for the research. All tree and shrub names can be divided into four groups – Komi-Permyak non-derivatives, Komi-Permyak derivatives, borrowings from Russian, and lexical units composed of components from the two languages.

A distinctly numerous group of these words is native non-derivative vocabulary, which consists of names representing flora and fauna that typical kind found in the territory of Komi-Permyak region: *köz* – ‘spruce’, *pozhum* – ‘pine’, *kydz* – ‘birch’, *bad* – ‘willow’, etc.

The most numerous group consists of derived words in which both components are Komi-Permyak. The formation of such words is done through affixation (*zhel’nöğ* – ‘wild rose’, where *zhel’* is ‘thorn’, *nöğ* unproductive suffix) or combining roots (*oshsetör* – ‘red elder’, where *osh* means ‘bear’, and *setör* – ‘currant’). The word formation gives

---

¹The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00750.

the most productive models in this group, “tree name” + *pu*: *l'ömpu*, *l'empu* – ‘bird cherry’, where *l'öm*, *l'em* means ‘bird cherry’, *pu* – ‘tree’, “tree characteristic” + *pu*: *zynapu* – ‘elder’ (lit. ‘stinking tree’) are the main representatives of the group.

Words borrowed from the Russian language often contain phonetic changes when compared to their Russian counterparts: *berba* (Russ. *verba*) – ‘willow’, *cher'omka* (Russ. *cheryomukha*) – ‘bird cherry’.

The group of complex words consists of components of different languages and it is few in numbers. It includes, for example: *oshtabak* – ‘wild rosemary’ (lit. ‘bear tobacco’), *shapka-pozhum* – ‘patula pine’, where *shapka* means a ‘hat’ (Russian word), and *pozhum* – ‘pine’ (Komi-Permyak word).

Кристина Федулова: Звуковая символика удмуртских аффрикат и значение слова

На протяжении всей истории лингвистики прослеживается существование идеи о том, что звуки речи содержательны сами по себе, и эта их содержательность соответствует значениям слов.

Идея содержательности звуковой формы языкового знака нашла в рассмотрении психолингвистического феномена символики звуков речи.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что данные о символике звуков в разных языках играют важную роль в обучении иностранному языку, например, учитывая звуковую символику, можно найти решение проблемы запоминания слов неродного языка. Это важно и при обучении удмуртскому языку как иностранному, что сегодня так же является важным и актуальным.

В нашем исследовании мы сделали попытку изучить звуковую символику удмуртских аффрикат [tʃ] и [dʒ], которые могут быть палатализованными и не палатализованными и изучить влияние полученных данных на значение слова в целом.

Единственно возможный путь описания звуковой символики-перечисление оценочных признаков.

Мы воспользовались методикой оценки звуков информантами на признаковых шкалах по психометрической пятибальной шкале. Например, шкала «хороший-плохой» имеет следующую градуировку: «очень хороший – 1», «хороший – 2», «никакой – 3», «плохой – 4», «очень плохой – 5».

В качестве информантов выступили не носители удмуртского языка, что дало нам возможность изучить влияние звуков на иноязычных информантов. Полученные данные могут быть использованы в обучении удмуртскому языку как иностранному.

В результате проведенного эксперимента нам удалось определить символическую мягких и твердых аффрикат удмуртского языка. Например, мягкая аффриката [tʃ] воспринималась аудиторами как женственная, легкая, добрая, мягкая. Другая мягкая аффриката [dʒ] воспринималась как активная, веселая, большая, сильная, громкая, подвижная. Твердые аффрикаты [tʃ] и [dʒ] имели более отрицательную коннотацию в оценке аудиторов. Они оказались: громкими, тяжелыми, злыми, скрипящими, царапающими, большими, давящими.

Оказалось, что символика отдельных звуков влияет на значение слова и определяет его коннотативное значение.

Исследование показало, что символика звуков речи не осознается носителем языка, и он не может сознательно ею оперировать. Тем более, она не может быть истолкована не носителем языка. Но при изучении семантических явлений можно отталкиваться от оценочных признаков звуков.

Кристина Габова, Наталья Чувьюрова: Ухтаса коми том войтырлӧн ӧтувтчӧм «Томулов»

Тайӧ мирас ставыс сӧвмӧ, оз сулав ӧти места вылын. Сӧвмӧ кӧ олӧмыс –йӧзыс заводитӧны овны бурджыка. Та вӧсна вылӧ донъявсьӧны сэтшӧм йӧз, кодъяс пырӧдчӧны тайӧ сӧвмӧмас.

Канмуын олӧ быдсяма йӧзыс, быдсикас тшупӧдыс, ӧтияс на пиысь –тайӧ том войтыр. Том войтырлӧн иныс канмуын зэв тӧдчана, сы вӧсна, мый томъяс вермӧны сӧвмӧдны олӧмсӧ.

Коми кыв да коми традиционной культура сӧвмӧдӧм да видзӧм могысь Ухта карса Б.Ф. Шахов нима коми культура шӧрин подув вылын вӧлі котыртӧма том йӧзлӧн «Томлун» ӧтувтчӧм. Тайӧ кадколастнас ӧтувтчӧмнас юрнуӧдісны енбиа том йӧз: Янина Оплеснина, Светлана Буторина, Елена Логинова, Инесса Пудкова. На отсӧгӧн вӧлі нуӧдӧма том войтырлы уна мероприятие, кодъяс пыр пӧртсьӧ олӧмӧ ӧтувтчӧмлӧн шӧр могыс – Коми кыв да коми традиционной культура сӧвмӧдӧм да видзӧм. «Томлунӧ» пырысь активистъяс тшӧкыда пырӧдчисны Коми культура шӧринса гажъясӧ, концертъясӧ, землячествояслӧн аддзисьлӧмъясӧ. Сӧмын 2011-ӧд вося май тӧлысьын Ухта карса «Коми войтырлӧн» президиум «Томлунлӧн» юрнуӧдысьнас индіс том коми кыв велӧдысьӧс – Виктория Габоваӧс.

2011-ӧд воын «Томлун» ним вежӧма «Томулов» вылӧ, сы вӧсна мый тайӧ ни-мыс –важсяджык да комиджык. 2011-ӧд восянь том юрнуӧдысь отсӧгӧн ӧтувтчӧмлӧн уджыс заводитӧ активнӧя сӧвмыны.

Ӑнія кадӧ Б.Ф. Шахов нима коми культура подув вылын «Томулов» ӧтувтчӧмлӧн эм аслас могъяс да задачаяс.

1. Том коми мортлысь аскылöмсö (самосознаниесö) кыпöдöм, мед том морт пондiс гöрдитчыны сiйöн, мый сiйö коми, повтöг сёрнитiс комиöн.
2. Сёрнитöм
3. Том йöзлысь енбиалунсö сöвмöдöм.

Отувтчöмлöн шöр могыс – Ухта карын олысь да велöдчысь том войтыр костын коми кыв да коми традиционнöй культура сöвмöдöм да видзöм.

«Томулов» отувтчöмö вермас пырöдчыны быдöн, кодi тöдö либö гөгөрвоö коми кыв.

«Томулов» отувтчöмлöн уджыс мунö некымын туйвизьöд:

Театрын ворсöм. Коми культура шöринын уджалö «Радлун» театральной кружок, кытчö томуловсаяс активнöя пырöдчöны.

Коми КВН. Уже два года томуловцы играют в КВН на коми языке. У томуловцев существует три команды КВН, образованных на принципе локального деления коми народа (то есть учитывается фактор малой родины КВНщика) – это ижемская, прилузская и сборная команды КВН.

Кык во нин томуловсаяс ворсöны коми кыв вылын КВНысь. Томуловсаяслöн эм куим команда: изьватас, лузабердса да сборнöй командаяс, кодъяс юксёмаöсь квнщикъяслöн чужанiн серти.

Гастрольнöй туйвизь. Тайö туйвизысь активнöя сöвмö. Театрса да КВНса петкöдчöмъяслы колö видзöдысь, кодi гөгөрвоö коми кыв. А татшöм видзöдысьысь эм сöмын коми сиктын. Та вöсна гастрольнöй туйвизь - тайö артистлöн зэв колана да вежны позьтöм удж.

Дзоньвидзалун сöвмöдöм. Кыкысь тöлысьнас томуловсаяс аддзысьлöны, медым ворсны лаптаысь, иславны конькиöн, нуöдöны эстафетаяс да гажа стартьяс. Тайö туйвизьсö колö на водзö сöвмöдны да вайöдны тырвийö сямöдз.

Водзö вылö сувтöдам мог тайö туйвизьяссö кыпöдны вылысджык да бурджык тшупöд вылö, мед на йылысь тöдiсны эз сöмын Коми культура шöринö волысьяс, но и став Ухта карыс тöдлiс и тшöтш жö участвуйтiс миян коми гажъясын. И мед татшöм гажъяс бöрас паськалiсны пыдди пуктана сёрнияс: «А кутшöм мыла да мича тайö коми кывйыс, а том коми войтырыс дзик молодеच्याс, этатшöм бур гажъяс кужöны котыртны, и Ухтаын найö, вöлöм, сэтшöм унаöн. Тайö коми йöзыскöд быть колö лыддысьны». Кутам лача, мый томуловсаяс ыджыд олöмö петöм бöрын быдлунъя олöмын ёнджыка пондасны вöдитчыны коми кывйöн, оз кутны яндысьны ас кывйысь и ас семья лöсьöдöм бöрын, велöдасны коми кывйö ассыйныс челядсьö.

Ренат Гарафутдинов: Komi language: the issue of its preservation

The problem of preservation of indigenous people and their languages is actual nowadays, especially in our republic. This question is actively discussed in our region and, unfortunately, the majority of our habitants do not understand the significance of Komi language. According to the information from “National accent” journal, only 4.75% of children have been studying Komi language as a native at school in 2018. Moreover, in some towns and districts it was not chosen for learning at all. When I studied at school, in Vorkuta, we did not learn Komi language and, as I remember, only since 2014 our school started to teach Komi. I can argue that almost everyone, mostly children, disapproved this idea and there were some reasons for it, such as lack of teachers, low motivation for pupils, complexity of language and, eventually, persuasion in uselessness of Komi language. Seriously, why is it necessary to learn some Komi at that time when studying English, German, French are more perspective. To be honest, I was solidary with this opinion at that time.

However, approximately, one year ago, I changed my view and realized the importance of indigenous language. As we know, native language gives us a unique feeling, feeling of devotion to certain place and to people, linked by common traditions, culture and customs. In my opinion, we should instill this feeling since childhood and provide it for the whole life. Our generation, in most cases, does not wield this feeling and, that is why, it is hard to develop Komi language.

Nevertheless, the government of Komi Republic is tended to preserve all languages of national minorities in our region by formulating and financing particular programs. Komi language is accepted in all schools of our republic and the feeling of devoting to Komi is gradually developing. Today more than 33% can speak Komi and I am sure that this indicator will be increased over time.

To sum up, I would like to say that situation with Komi language is not optimistic because most of our inhabitants still refuse it and do not understand why we must learn and develop Komi in the era of globalization. Fortunately, more and more people try to resolve this problem and government of our republic makes many efforts to conserve our language.

Grigoriy Grigorev: Удмуртские мобильные приложения

How to support the languages of small nations with the help of programs, applications? Many developers, unfortunately, do not interested in this. That is why we decided to support minority languages in popular operating systems such as Windows, Android, iOS. Created own tools, programs:

- layouts (keyboards)
- fonts
- spell checkers
- electronic dictionaries
- language self-study apps
- various games

Johannes Hirvonen: Liivin partikkeliverbien datiiobjektit

Verbipartikkelit aiheuttavat monessa kielessä muutoksia verbien argumenttistrukturissa. Esityksessäni keskityn niihin Liivin kielen partikkeliverbeihin, joilla on perusverbeihinsä verrattuna benefaktiivinen lisäobjekti datiiivissa. Adpositioiden inkorporaatio verbeihin on maailman kielissä hyvin yleinen ilmiö. Koska verbipartikkelit ovat kielihistoriallisesti ainakin indoeurooppalaisissa kielissä tavallisesti kehittyneet adpositioista, partikkeliverbeillä on näissä kielissä usein lisäargumentti joka on samassa sijamuodossa kuin vastaavan adposition argumentti, esimerkiksi datiiivissa monen saksan kielen partikkeliverbissä. Vaikka Liivin partikkeliverbien lisäargumentti on usein datiiivissa, Liivissä kuitenkin ei ole datiiivia määrääviä adpositioita. Tämän takia Liivistä ei voi väittää että partikkeli synkronisesti ”perisi” adposition sijamuotorektion. Esityksessäni esitän miten datiiivargumentti liittyy partikkeleihin ja täydellisiin adpositionausekkeihin ja väitän että niiden direktionaalinen merkitys muuttaa verbaalitahtuman struktuurin niin että datiiivobjektia on mahdollista lisätä.

Ольга Иевлева: Баренц Советлөн международной удж эффективность Коми Республикаын

Баренц Евро-Арктической Совет – лоо региональной организацияон, кодлөн подув вöли пунктöма 1993 воын, Киркенесской конференция дырйи да нель странаон декларация гижöмын бöрын – Швеция, Норвегия, Россия да Финляндия.

Баренц регион составö пырис дас нель субъект, нель странаысь: Норвегиялөн – губернияяс Финнмарк, Трумс да Нурланд, Россиялөн – Мурманской да Архангельской областяс, Коми да Карелия Республикаяс, Финляндиялөн – губернияяс Лапланд, Оулу, Каину да Войвыв Карелия, Швециялөн – губернияяс Норботтен да Вестерботтен.

Организациялөн удж сйöма сотрудничество ёнмöдөн вылö уна юалöм серти. Медся ыджыдъяс на ылысь: экологической обстановка, коренной олысьяс, на

пиын медся ичотъяс, налысь культура видзём, экономическёй да социальнóй развитие регионын.

Россияса регеонысь Коми Республика пырис медся бöрын Баренц регионö. Сийö оз пыр Баренцев саридз бассейно, йитчö ськöд Печора юөн.

Международнóй удж Баренц регионы серти абу зэв эффективнóй. Медся ыджыд прептствиен не сöмын Комиы, но и мукöд субъектсьлы лоö ыджыд за-висимость федеральнóй центрлысь. Субъектсьслөн абу дзик стöч свобода, кодi сетiс бы енмöдны сотрудничество, медым реализуйтны проектсьяс.

Öнiя кад вылö, Республика Комилөн сотрудничество Баренц регионын содö велöдчан сфераын да культураын. Сыктывкарскöй государственнóй университет пырö программаö «Баренц+», быд во студентсьяс комиысь ветлöны велöдчыны ВУЗсьясö партнер странаяс дорö.

Ыджыд событиеён Баренц регионын лоис кык тома Энциклопедия гижом. Сы пиын эмöсь и коми учёнöяслöö уджсьяс.

Коми му зэв озыр вöр-ва ресурсьясөн – вöр, нефть, газ. Тайö сетö мöд на-правление сотрудничестволы. Öти боксянь, тайö экологическöй стабильность видзём. Мöд боксянь, туризм развитие.

Республика Комилөн ыджыд потенциал – озыр культура (йöзкостса праз-никльяс Луд, Усть-Цилемскöй горка) да вöр-валөн мичалун (плато Маньпупу-нер, озеро Кадам, Щугор, Урал гöраяс). Сöмын колöвосьтыны йитöдъяс мукöд странаяскöд Баренц регионьсь. Сы вöсна мы öнiя кадö медым Комиысь веськал-ны Баренц регион мöд странаясö колö лэбзьыны самолетөн Москва ли Санкт-Петербург Пыр.

Ekaterina Ivanova: Языческие верования удмуртов де-ревни Варклет-Бодья Агрызского района Республики Татарстан

Варклет-Бодья гурт интыяськемын Агрыз ёросын, Татарстан элькуньын. Та гурт кылдытэмын Пичи-Бодьялась лыктэм калыкен. Гуртын улэ 357 адями, 97% уд-муртсьёсыз, мукетсьёсыз я пор, я зуч. Сям йылолсьёслы йыбырттисьёс 86%, нош кылемсьёсыз чукинэмсьёс. Та гуртысь сям-йылол утёнлыкес тодыса, трос тунсы-кьяськись визьнодасьёс, филологсьёс, этнографсьёс, дуннеадзисьёс кунгож сьö-рысь но учкыны, юалляськыны татчы ветло, кино но фильм лэсьто.

Туала вакытэ 21 даурамы Варклет-Бодья калык утыны тырше осконсьёсыз но сям-йылолсьёсыз. Туннэ нуналын но адямиос ортчыто, быдэсто таче йылолсь-ёсты:

1. Акашка (Бызымнал) – тулыс бусы ужъес кутскон азын Инмарлэсь зечсэ курыса восяськон.

2. Эру карон – та йылол быдэстиське Бызымналлэсь ныылетти нуналлы азь-
выл быдэ вуэм пиосын, юри дасям интые мыныса воргоронъёс гинэ वोся-
ло жук, доразы бертыса омыре пычалэн ыбыло периосыз улляны, улмо-
пуэз сэзъяло улмо мед удалтоз шуыса.
3. Ныл кураськон – та нуналэ быдэ вуэм нылъёс гуртэти озыы ик курегпуз,
вой, кеньыр, силь бичаса ветло (курасько) но соин юри дасям интыын жук
посьто, жыт вуыса со жукез быдэс гуртэн वोсяса сиё.
4. Куарсур – йылол ортче вить нунал, со вить нуналын वोсясько Инмарлы,
Вулы, Музьемлы но Шундылы.
5. Тулыс но сизыл кисьтон – болякъёс одиг корка люкаськыса тодазы ваё
кулэм чыжы выжыоссэс.

Туала языковой обрядностьын анализ лэсьтыкумы ми чошатимы азьло ваш-
кала но али туала вакытлэсь гождям йылолъяссэс, шедьтимы аспортэмлыкэс.
Аръяс ортчемъя, йылолъяслэн быдэстон амалъяссы воштиськиллям.

Ми малпамъя, со озыы луэмын, малы ке шуоно гурт калык ваньзэ рос-прос
ут тоды ни сям-йылоллэсь амалъяссэ, законзэ.

Marin Jors: The glimpse into the development of e-Estonia

Wired has named the e-Estonia “the most advanced digital society in the world”.

Estonia started building our information society about two decades ago. Estonians did not have the internet or even devices with which to use it. I will introduce some of our best e-solutions that have led to Estonia becoming one of the world’s most developed digital societies.

Estonia has choosed e-Governance, which is a strategic choice. This choice can improve the competitiveness of the state and increase the well-being of its people. 99% of public services are now available to citizens as e-services.

Estonian e-solutions for business have pared bureaucracy down to a bare minimum. This has facilitated an environment where business is extremely convenient. In Estonia can pay taxes only in one click. You only need 5 minutes for the tax filing process. This is reason why around 95% of all tax declarations in Estonia are filed electronically.

The X-Road is invisible yet crucial environment that allows the nation’s various e-service databases, both in the public and private sector, to link up and operate in harmony. It lacks a centralised or master database. This means all information is held in a distributed data system and can be exchanged instantly upon request. This gives access any time.

In Estonia live around 1.3 million citizens. Almost everyone has an ID card. It is a mandatory national card with a chip that carries embedded files. It functions as definitive proof of ID in an electronic environment.

ID card allows i-Voting. Estonia has internet voting in a nationwide election since 2005. We were the first who offer internet voting. The i-Voting system allows people to vote at their home, because the ballot can be cast from any internet-connected computer anywhere in the world.

The next big step is the use of IT tools in the security services (e-Police, rescue board, emergency centre). This has halved the number of deaths by accident in Estonia over the last 20 years. Estonian police are no longer allowed to stop cars for technical checks. All the relevant data is available using their onboard computer. This has made the police 50 times more efficient.

Medicine has also developed. Today, over 95% of the data generated by hospitals and doctors has been digitized. e-Health solutions allow Estonia to offer more efficient preventative measures. This increasing the awareness of patients. Everyone in Estonia that has visited a doctor has his or her own online e-Health record. This containing their medical case notes, test results, digital prescriptions and X-rays. Different doctors can access their patient's electronic records and make better informed treatment decisions.

e-Residency is Estonia's gift to the world. It is a transnational digital identity that can provide anyone, anywhere with the opportunity to succeed as an entrepreneur. e-residents receive a government-issued digital ID and full access to Estonia's public e-services. Just like citizens and residents of Estonia. They can establish a trusted EU business with all the tools needed to conduct business globally. They can then use their secure digital identity to manage their company entirely online from anywhere in the world.

Sources:

<https://e-estonia.com/>

Hana Kalábová: How do Czech speakers perceive sound symbolism of Finnish language?

In the beginning of modern linguistic theory stands the idea of arbitrariness, that there is no connection between the meaning of a word and its sound. Later research, however, showed that this idea is not one hundred percent true. Although most of the human language consists of arbitrary words, there is also a huge part of words, that somehow imitate the sound they describe.

Finnish language is full of such words, be it nouns, adjectives or verbs. For example, the noun *pulu* ('pigeon') imitates the sound this bird makes and when pronouncing the

adjective *liukas* (“slippery”) our tongue makes the slide as if we slip on ice. There are also so-called sequences of sound describing verbs, where only change of vowels makes a difference *kilistää* (‘to jingle, high noise’) vs. *kolistaa* (‘to clank, loud deep noise’). Native Finnish speakers can even tell what such a verb describes, although they have never heard it before.

I will present a small research on sound symbolism in Finnish language. I was interested in how Czech native speakers that have zero knowledge of Finnish perceive the sound symbolism, if at all. The methodology of research is similar to the one used in Diatka & Milička’s (2017) research, which was concerned with sound symbolism of Hindi and was also tested on Czech speakers. They had to connect Czech and Hindi words just based on the feeling they get from them.

In my research speakers of Czech had to connect Finnish and Czech words. They were instructed to do it just based on their feelings and to pick up the first combination that comes to their mind, not to overthink it. On each slide presented to the informants, there were four words, two in Czech and two in Finnish. In the research there are three types of slides. The first type contains only words without any sound symbolism, second type contains only words with the sound symbolism and the third one contains one word without sound symbolism and one with sound symbolism. My hypothesis was that there won’t be any preferences of connection in the first two types, but there will be preferences of connection in the third type, when one word is based on arbitrariness and the second one should wake some feelings in people.

References:

Diatka, V. & Milička, J. 2017. *The effect of iconicity flash blindness*. Dimensions of Iconicity 15 (2017): 3.

Nataliya Kalanova: Семантика неопределенных местоимений в горномарийском языке²

Доклад посвящен семантической характеристике неопределенных местоимений в горномарийском языке. В работах предшественников этот класс местоимений описан лишь фрагментарно (см. [Саваткова 2002: 168–170], [Бикина 2018]).

Мы обсудим инвентарь неопределенных местоимений горномарийского языка, а также семантические особенности различных серий, с опорой на типологическую работу [Haspelmath 1997] и предложенную ее автором [там же: 64] семантическую карту. Мы сопоставим горномарийские данные с предложенной классификацией.

Материал собран в 2018 г. в экспедиции в с. Кузнецово Горномарийского р-на респ. Марий Эл и в окрестных деревнях, в первую очередь методом анкетиро-

²Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

вания. Учтены и данные экспедиционного корпуса (63522 словоупотребления, корпус доступен на <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>).

Для горномарийского языка характерна богатая система неопределенных местоимений. Всего имеется восемь показателей, четыре из которых являются препозитивными (*ta / tä, iktä, n'i, xot'*), а еще четыре следуют за основой (*gän'ät, än'ät, šon, poraza*). Особенный интерес представляет серия неопределенных местоимений с постпозитивным маркером *šon*, который является застывшей формой конверба или претерита (3SG) глагола *šoäš* 'достигать'. Эти местоимения могут появляться как в контекстах свободного выбора (1), так и в референтных контекстах (наиболее подробные данные на текущий момент имеются по контекстам слабой определенности, см. (2)). В [Haspelmath 1997: 77] сочетание этих функций признается невозможным (и не предсказывается семантической картой). Согласно [Giannakidou 2001], для местоимений свободного выбора нехарактерно употребление в референтных контекстах.

- (1) *vas'a ma šo-n-ätm näl-eš*
Вася что достигать-CVB/PRET-ACC брать-NPST.3SG

Вася покупает что попало.

- (2) *nänä-n ma šo-n-äštä ulä*
те-GEN что достигать-CVB/PRET-POSS.3PL есть

У них кое-что есть.

Возможное объяснение горномарийских данных состоит в том, что и контексты слабой определенности, и контексты свободного выбора предполагают намеренную неполную спецификацию говорящим свойств объекта (ср. анализ русских неопределенных местоимений в [Падучева 2016]). В докладе мы подробнее остановимся на семантических особенностях серии с показателем *šon*, которые противоречат типологическим ожиданиям.

Список условных сокращений:

- 1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; CVB – конверб; NPST – непрошедшее время; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRET – претерит; SG – единственное число.

Литература:

- Бикина 2018 – Д. А. Бикина. Двойное маркирование неопределенности в горномарийском языке. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 37 – 60.

- Падучева 2016 – Е.В. Падучева. Местоимения слабой определенности (серия на кое-; серия на не-; один). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2016.
- Саваткова 2002 – А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Giannakidou 2001 – A.Giannakidou. “The Meaning of Free Choice”. *Linguistics and Philosophy* 24: 659-735. 2001.
- Haspelmath 1997 – M. Haspelmath. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Elvīra Kalniņa: Eesti ja liivi köök nagu kujutama Lätis trükiallikad

2019. aasta on põlisrahvaste keelte aasta (IY2019) (UN, 2019) ja Lätis pööratakse seetõttu tähelepanu liivi keelele. Liivi keelel on kultuuriline ja ajalooline kontakt Eestiga, sest see keel on tihedalt seotud nii eesti kui läti keele ja kultuuriga. Nende teemade käsitlemine aitab säilitada ja tugevdada kontakte naaberriikide ja kultuuridega.

Eesti ja liivi köögi kohta on tehtud vähe uuringuid. On tehtud palju väikeseid projekte, sealhulgas “Flavours of Livonia”, mis algas 2017. aastal ja jätkub korraldajate sõnul kuni 2020. aastani. Peamiselt on selle panuse andnud sellised organisatsioonid nagu UNESCO, ÜRO ja EL.

Uuringu eesmärk on luua süsteemne nimekiri eesti ja liivi köögisti Lätis. Kvalitatiivse uurimistöö käigus vaadeldakse seda uurimust nelja trükimaterjali põhjal aastatel 2005, 2006, 2012 ja 2016. Lisaks vaatab autor Läti ajakirjanduses kättesaadavaid materjale (www.periodika.lv).

Autor püüab neile küsimustele vastata: Millised on ühisjooned Eesti ja Liivi köögis? Millised on kõige sagedamini kasutatavad koostisosad (lisaks kaladele)?

Allikad:

UN, 2019. *IYIL*. [Online] Available at: <https://en.iyil2019.org/> [Accessed on 18 February 2019].

Алина Кардапольцева: Удмуртъёслэн армие келян йылолазы кутйськись арбериослэн ватскем пуштроссы

Та ужын саклык висъямын армие келян сям-йылолын кутйськись арбериослы, кудъёсыз мур усьто калыклэсь чеберлыко лул-пуш дуннезэ. Ужлэн валтйсь мугез: чаклано арбериослэсь йылолын кутйськон кулэлыкэс-функцизэс, шаряно соослэсь ватэм пуштроссэс.

Армие келян сям-йылолын тужгес но ёем пумиськись арбериос: ёушкон/*полотенце*, пурт/*нож*, молот/*молоток*, чук/*лента*, нянь/*хлеб*.

Кылсярысь, тужгес но бадёым инты басьтэ армие келян йылолын – чук. Чук – басма юдэс, лента. Чук котьку но кузёослэн син аязы улэ вал, малы ке шуоно сое мумыкоре шукко. Озыен, чук солдатлэн матысь адымиосызлы тодэ вайытон луэ. Та арбери солдатэз но солэсь ёыжы-выжыоссэ герёа. Озы рекрут аслэсьтыз пичи «люкетсэ» ас вордскем коркаяз кельтэ.

Мукетыз арбери, кудзэ ми эскерим та ужамы – ёушкон. Армие келян сям-йылол дырёа, солдат котькуд корка пыралля, отын солы ёушкон кузьмало. Ёушкон выль улонлэн кутсконэз луэ, сюреслэн символэз. Со сюрес служить карон интые мынон, но озы ик гуртэ бертон сюрес но.

Огром ми шедёймы но эскеримы таёе арбериосты: ёушкон/*полотенце*, пурт/*нож*, молот/*молоток*, чук/*лента*, нянь/*хлеб*. Та арбериос бадёым инты басьто армие келян йылолын. Соос выль улонлэсь кутсконзэ возматэ, оберег луэ. Эскерем арбериос аспортэмлыко образёс, кудёсыз герёало солдатэз солэн ёыжы-выжыосыныз.

Ваньмыз эскерем арбериос али дыре но кутёсько. Соос огёа образ кылдыто, синпель луэ.

Éva Katona: Changing attitude and language in the youngest generations of the Russian speakers in Estonia

Целью моего доклада является дать краткий обзор нынешнего молодого поколения русскоговорящих Эстонии. Этой темой занималось уже много исследователей, но по большей части в предыдущем десятилетии, см., например, Verschik 2005a; Verschik 2008; Zabrodskaja 2013; Zabrodskaja & Verschik 2015; Verschik 2016. Мое исследование фокусируется на две главные темы: лексикографическую и социалингвистическую. В речи двуязычного населения Эстонии присутствует много иноязычных слов –они могут быть одноязычными заимствованными эстонизмами или словами-гибридами. Благодаря полевой работе, в частности интервью, мне удалось к списку уже знакомых из предыдущих исследований заимствований (см. Verschik 2005b; Zabrodskaja 2007; Адамсон 2009) добавить новые элементы, использованные молодыми информантами в возрасте от 18 до 36 лет (*мыза, идентитет, кескус, перфектно* и другие). По нашим наблюдениям с заимствованиями мы сталкиваемся чаще всего в высказываниях о рабочем месте и о специфических эстонских реалиях.

Второй интересующий меня вопрос это –самоидентификация русскоговорящих Эстонии. Литературы на эту тему пока недостаточно. Каграва и другие исследовали билингвальных семей в трёх странах, и пришли к выводу, что ин-

теграция и двуязычность родителей плохо повлияли на передавание русского языка своим детям (Karpava, Ringblom & Zabrodskaja 2018: 115). В другой статье вышеупомянутых авторов 60% опрошенных дали на вопрос «С каким языком вы себя отождествляете?» ответ «и с русским и эстонским» и только 21% респондентов ответили «с русским языком» (Рингблом, Забродская & Карпова 2018: 40).

Полученные мной результаты соответствуют результатам Мартина Ехалы и Анастасии Забродской, которые утверждают, что среди русскоговорящих нет единой категории, а выделяется много субгрупп, в которых тенденции сильно отличаются, и только в некоторых есть тенденция к интеграции (Ehala & Zabrodskaja 2014: 183). Также приведу примеры к этим субгруппам, на основе которых напрашивается вывод, что родной язык человека не всегда является решающим фактором в самоидентификации. Очень важную роль в самоидентификации респондентов играет понятие «быть европейцем».

Литература:

- Ehala, Martin & Anastassia Zabrodskaja. 2014. Ethnolinguistic Vitality and Acculturation Orientations of Russian Speakers in Estonia. In Lara Ryazanova-Clarke (ed.), *The Russian Language Outside the Nation*, 166–188. Edinburgh University Press. doi:10.3366/edinburgh/9780748668458.003.0007.
- Karpava, Sviatlana, Natalia Ringblom & Anastassia Zabrodskaja. 2018. Language Ecology in Cyprus, Sweden and Estonia: Bilingual Russian-Speaking Families in Multicultural Settings. *Journal of the European Second Language Association* 2(1), 107. doi:10.22599/jesla.41.
- Verschik, Anna. 2005a. The language situation in Estonia. *Journal of Baltic Studies* 36(3), 283–316. doi:10.1080/0162977050000111.
- Verschik, Anna. 2005b. Russian–Estonian language contacts, linguistic creativity, and convergence: New rules in the making. *Multilingua – Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication* 24(4), 413–429. doi:10.1515/mult.2005.24.4.413.
- Verschik, Anna. 2008. *Emerging bilingual speech: from monolingualism to code-copying*. London: Continuum.
- Verschik, Anna. 2016. Mixed Copying in Blogs: Evidence from Estonian-Russian Language Contacts. *Journal of Language Contact* 9(1), 186–209. doi:10.1163/19552629-00901008.
- Zabrodskaja, Anastassia. 2007. Code-switching and contact-induced language change in Estonia's Russian. *Publications of the Department of the Estonian Philology of Tallinn University* 9, 13–64.
- Zabrodskaja, Anastassia. 2013. Morphosyntactic contact-induced language change among young speakers of Estonian Russian. In Isabelle Léglise & Claudine Chamoreau (eds.), *Studies in Language Variation*, vol. 12, 77–106. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. doi:10.1075/silv.12.04zab. <https://benjamins.com/>

catalog/silv.12.04zab (5 July, 2018).

Zabrodskaja, Anastassia & Anna Verschik. 2015. Morphology of Estonian items at the interface of Russian-Estonian language contact data. *Sociolinguistic Studies* 8(3), 449–474. doi:10.1558/sols.v8i3.25505.

Адамсон, Инна Владимировна. 2009. Динамические процессы в лексике таллиннских газет на русском языке (на примере двуязычных изданий). In Ирина Павловна Кюльмоя (ed.), *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*, 27–42. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета.

Рингблом, Наталия, Анастасия Забродская & Светлана Карпова. 2018. Вызовы для стратегии «Один родитель – один язык»: из опыта двуязычных семей в Швеции, Эстонии и на Кипре. In Ахти Никунласси & Екатерина Протасова (eds.), *Многоязычие и семья*, 37–48. Retorika GmbH.

Evgeniia Kharitonova: Немец кылъя урокъёсын удмурт лулчеберетэн тодматскон

Кунгожсьӧр кылъёсты дышетоньын валтӥсь инты басьтэ дышетскисез мукет куньын ульсь калыкъёслэн кылынызы вераськыны дышетон, соослэн лулчеберетэнызы тодматскон. Бадӥым классъёслы чаклам дышетскон книгаосын трос гинэ пумисько немец лулчеберетэн, историен герзаськем ивортодэтъёс (Бим И.Л., Садомова Л.В., «Немецкий язык. Шаги 5. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений» (2001); Бим И.Л., Садомова Л.В. «Немецкий язык. 10 класс» (2008 г.) но мукет). Но мукет кунъёсын тодматскем сяна, милям малпаммыя, дышетскисьёс озьы ик кунгожсьӧр кылын ас вордскем шаерзы, кунзы сярсьы вераны быгатыны кулэ. Жаляса верано, дышетскон книгаосы таӵе ивортодэтъёс пыртэмын ӧвӧл, соин ик дышетӥсьлы аслыз чаклано, быръёно луэ тупась текстъёс. Тае лыдэ басьтыса, тунсыко луысал немец кылын вераськись егитъёсын ӵош «Куноын Удмурт шаерын» дышетскон диск дасяны. Солэн пуштро-саз одно ик пырын кулэ: аудио- но видео-материальёс, дышетскисьёслы тупась лыдӟон текстъёс, лексикаез но грамматикаез волятонэн герзаськем ужъёс. Дышетскон материалэз нимаз-нимаз классъёслы люкылыса сётыны луысал, озьы дышетӥсьлэсь уроклы дасяськыны дырзэ ширъяны луоно. Валамон ини, диск бордын одно ик удмурт-немец, немец-удмурт кыллюкам луыны кулэ.

Немец кылъя урокъёсын удмурт лулчеберетэн но Удмурт шаерлэн историеныз тодматскон пиналъёслэсь кунгожсьӧр кылъёсын тодматскыны мылкыдзэс пуромытысал, озьы ик соослэсь дунне шоры учкемзэс паськытатысал, угось аслэсьтыд культурадэ мукет культураен ӵошатон, кызы пысьё тодосчиос, ды-

шетон удысын пöртэм пумо емышгёс вае. Мукет ласянь, дышетон диск кыл-дытон немец дышетскисьёслы но удмурт лулчеберетэн тодматскыны луонлык сётысал.

Иван Хохряков: Развитие земледелия в Удмуртии

В системе агрономических знаний земледелию принадлежит важная роль. Земледелие на современном уровне развития определяется как отрасль сельскохозяйственного производства, основанная на рациональном использовании земли с целью выращивания сельскохозяйственных культур. Возникновение и развитие земледелия – комплексная проблема по характеру источников.

Удмуртская Республика расположена на востоке Русской равнины, в европейском Приуралье, в междуречье Камы и ее правого притока Вятки. Наиболее древние археологические памятники свидетельствуют о заселении территории Удмуртии в эпоху мезолита (8–5 тыс. до н.э.). Первые упоминания о земледелии в мире относятся к 7–6 тыс. до н. э., то на территории Прикамья земледелие известно со 2 тыс. до н.э., и до середины XVIII в. население Удмуртии занималось преимущественно сельским хозяйством и промыслами. Природные условия не очень благоприятствовали успешному развитию производящих форм хозяйства, в частности, занятию земледелием, делали его результаты весьма нестабильными, почти неконтролируемыми человеком и крайне зависимыми от природного фактора. Не случайно уже в наше время этот регион получил название «зона рискованного земледелия», или Нечерноземье. В прошлом хозяйственный риск и, естественно, природная зависимость были значительно больше.

Сельское хозяйство удмуртов до Октябрьской революции можно охарактеризовать как неспециализированное, смешанное, однако преобладало земледелие. В основном это малопродуктивные дерново-подзолистые почвы, супеси, суглинки. Недостаток плодородия земли, несовершенство аграрного инструментария удмурты компенсировали огромным трудолюбием, порой даже сверхэксплуатацией себя.

К концу XVII в. Вятский край становится одним из основных хлебных рынков Российского Севера. В XVIII в. член-корреспондент Императорской Петербургской академии П. И. Рычков при виде тщательно ухоженных полей удмуртов заметил: «Нет в Российском государстве ни одного народа, могущего сравниться с ними в трудолюбии».

Хотя, из пахотных орудий использовались косуля вятского типа, соха (пу геры) с двумя сошниками (амезь), наиболее пригодные для неглубокой вспашки на лесных почвах. В южных районах использовали сабан, применявшийся при распашке целины. Железные плуги (корт геры) появились лишь в конце

XIX века. Для рыхления почвы и заделывания семян применялась рамная боро­на (усы) с деревянными, позднее –железными зубьями. Единственным видом удобрения был навоз. Сеяли вручную. Урожай убирали серпами (сюрло). Моло­тили цепами (кутэс) на специальных грунтовых или ледяных площадках. Зерно мололи на ручных жерновах, водяных и ветряных мельницах (вуко).

Сеяли преимущественно морозоустойчивые зерновые культуры: рожь, овес (сезы), ячмень (йыды). В южных районах сеяли пшеницу (чабей), горох (кө­жы), гречиху (сьодчабей), просо (тари), полбу (вазь), коноплю (пыш), лен (етүн). Также занимались огородничеством. Выращивали лук, капусту, огурцы, репу, картофель, редьку, брюкву и др.

В 40-х гг. XIX в. начинаются эксперименты и по расширению ассортимента возделываемых зерновых и других культур. Одной из таких культур стал кар­тофель. Насильственные меры по его насаждению, предпринимаемые местной администрацией, вызвали протест крестьянства в виде «картофельный бунт». Однако уже в 60-х гг. XIX в. картофель занял прочное место среди возделывае­мых культур.

К середине XIX в. произошли определенные сдвиги и в агротехнике. В усло­виях нехватки навозных удобрений хозяйства пытались найти полноценные его заменители, вводя в почву древесные листья, вереск, болотные травы, из­весть, мергель, тину, «жирную землю», вывозимую из болот (по всей видимо­сти, торф). Практиковалось внесение в тяжелые глинистые почвы песка, а в пес­чаные –глины, что заметно улучшало структуру пашни.

Татьяна Хохрякова: Удмурт шаерысь шор ёросъёсын но Шаркан ёросын улись удмуртъёслэн сям-йылолъ­ёссы. Соослэн туннэ нуналын улэмзы но улземзы.

Удмурт калыклэн йылолъёсыз, сямъёсыз, улэм-вылэмез туж узыр но аспортэм­лыко. Со туннэ но синучконын кадь адзиське аслаз тунсыко луэменыз. Туала егитъёс палэнэгес кылизы со вашкала сямъёслэсь но йылолъёслэсь. Сои ник туннэ асьме азын ужпум жутиське: эскероно, дышетона но улзытоно удмурт калыклэсь традиционной культуразэ. Сотэк калыклэн шыкысэз уз узырмы.

Туннэ асьме понна эскороно но возматона ужмы луоз: Удмурт шаерысь шор ёросъёсын но Шаркан ёросын улись удмуртъёслэн улэм-вылэмзы, сямъёс­сы, диськутсы, сиён-юонзы. Со саяна возматомы, кызы Шаркан ёросын пичи гинэ Дырдашур гуртын возисько на вашкала удмурт сямъёс но кызы соос ка­лык полы волмытисько. Со луэ Фольклоръя коллектив «Чебересь кенакъёс».

Туж тунсыко Шаркан музъем вылын радъяськемын финн-угор калыклэн сиён-юонэзлы сизем фестиваль, кытын возматомыны быгато портэм калыкъёс

асьсэлэсь национальной аспортэмлыкэс.

Со сяна Шаркан музъемлэн вань бадзым данъяськонэз – со удмурт вашкала мифологиысь вуэм но туннэ нуналъёсын но улись герой – Тол Бабай. Та син-маськымон героймы аслаз лякыт сямезлы луэмен, вань удмурт калыкмес но, мукет калыкъёсты но ас бордаз кыскыны быгатэ. Со доры мыныса но кырзаловерало, портэм фольклор но национальной ужрадъёс ортчо.

Jani Korhonen: Etnikai hovatartozási kategóriák a 2020-as oroszországi népszámlaláson

A prezentációmban az etnikai hovatartozási kategóriákról a 2020-as orosz népszámlaláson fogok beszélni. Ebben a pillanatban még nincs pontos információ a leendő kategóriákról és ezeknek a kategóriáknak az aggregációjáról, de hírek szerint 2020-ban az etnikai kategóriákat másképpen fogják kezelni, mint az előbbi népszámlalásokon. Például a pomorokat és kozákokat oroszokhoz fogják aggregálni, viszont a krimi tatárokat nem fogják aggregálni együtt a tatárokkal.

A szakirodalom tekinti a népszámlalásokra egy szakterületként, ami meghatározza és tárgyalja az emberek etnikai hovatartozását. Az etnikai hovatartozási kategóriák a legtöbb esetben politikai döntések alapján alakulnak meg. Ezek a kategóriák pedig hatással lehetnek egyének etnikai önazonosításával, amelyek gyakran bonyolultabb történeteket tartalmaznak, mint amit sugallnak a kategóriák.

A prezentációmban fogok tárgyalni főleg a finnugor népekkel az előző népszámlalásokon illetve azt fogom tárgyalni, milyen tendenciákat lehet elvárni a 2020-as népszámlalásról. Ezeken túlmenően fogok mutatni példákat más országokban történt népszámlalásokról. A prezentáció célja mindemellett beszélgetést indítani az oroszországi finnugor népek stratégiáiról a következő népszámlalást illetően.

Imar Koutchoukali: Der Lurjus kommt um die Nurke: Eesti laensõnade grammatilise soo määratlemine baltisaksa keeles

Esitan ülevaate sellele, kuidas baltisaksa keel määratles grammatilise soo eesti keelest pärinevatele laensõnadele. Mitmekeelelistes olukordades võib kergesti tekkida olukord, millel ühe keele kõnelejad peavad määratlema grammatilise soo sõnadele, mis on teisest keelest laenatud. Kui grammatiline sugu eksisteerib mõlemas keeles võib see mõjutada, kuidas ühest keelest pärinevad laensõnad teisese keeles grammatilise soo saavad.

Sellepärast esitavad eesti keeles pärinevad laensõnad teistsuguse olukorra, selle tõtu, et eesti keeles grammatiline sugu puudub. Vastates küsimusele “kuidas eesti laensõnad said baltisaksa keeles grammatilise soo” arutlen nii võimalikke semantilisi, morfoloogilisi ning fonoloogilisi põhjusi.

Denis Krivosheev: Place branding based on ethnic heritage

Territory development and marketing could be effective tools leading to economic growth. Considering the competitive struggle of territories for human, investment and tourism resources, the use of these tools has become a necessity. Successful marketing of territory could lead to place branding, with many long-term benefits for a region, its inhabitants and stakeholders. Considering the high number of places with different brands it is important for them not to lose a regional authenticity. That is why many regions start thinking about the development of brand concepts on the basis of ethnic components, cultural heritage, and historical background.

Recently territorial branding began to actively spread in the Finno-Ugric regions. Regions and localities try to develop their territorial identity, strong image, and cultural attractiveness. There are many Finno-Ugric ethnoterritorial brands. For instance, the ethnocultural center Staraya Terizmorga (Mordovia), the ethnocultural park Yb (Komi Republic), the village of Bygy (Udmurtia) – the first Finno-Ugric Capital of Culture, the village of Obinitsa (Estonia). But what distinguishes them from a huge number of other place brands? First of all, it is the positioning of territory.

Positioning of territory can be defined as the process of gaining the desired position in the audience’s mind, by owning a specific set of associations, in the context of competing place brands. In this regard, it is necessary to identify the distinctive features of ethnic territory (location, historical and cultural heritage, social infrastructure, tourism and investment potential, etc.), then highlight the key advantages that provide it with better positions in comparison with competitors (other similar places). Skillful positioning can achieve a cohesive and consistent place brand identity, by ensuring that all elements of the marketing program are consistent and mutually reinforcing, which is vital to establish place ethnic brands.

The key question of ethnic branding is for whom the brand is created: for residents, tourists, investors? The brand should be recognizable and well perceived by the target audience. It should be borne in mind that one of the carriers of ethnic brand territory is inhabitants. In addition, the needs, interests, expectations, values of residents, tourists, authorities, investors should coincide. If places do not take into account these factors, ethnic brands can be vague, impersonal, not allowing to effectively solve the problem of positioning the territory.

As many researches show, the links between culture and economy are increasingly tight and complex. Culture and ethnicity can generate profits and have a significant im-

pact on economic development and tourism which is extremely actual for preservation and development of Finno-Ugric languages and culture.

Anastasiia Krotova-Garina, Iuliia Shkuratok: Ethnolinguistische Beschreibung einer mythologischen Figur des Wassergeistes „Wakul“ (auf der Grundlage des Materials von komi-permjakischen mythologischen Texten)³

Der Vortrag ist der ethnolinguistischen Beschreibung einer der Figuren des mythologischen komi-permjakischen Systems gewidmet – dem Wassergeist Wakul. Das Forschungsmaterial wurde aus den Werken von Ethnographen, Folkloristen, Dialektologen sowie aus mythologischen Geschichten extrahiert, die während der Feldstudien in verschiedenen Gebieten des Komi-Permjakischen Bezirkes in 2016–2019 aufgenommen wurden.

In diesem Beitrag wurde ein Schema zur Beschreibung mythologischer Figuren (MF) als Grundlage genommen, das von Wissenschaftlern der Moskauer ethnolinguistischen Schule entwickelt worden war [Vinogradova 2000: 60–67].

Wakul ist der herrschende Geist des Wassers, also der Wassergeist. Am häufigsten werden die folgenden Namen verwendet: *вакуль* (‚Wasserteufel‘): *Вакуль, шуввисö вакуль пö кыскас* (‚Wakul, sagte mal, halt der Wakul zerrt rein‘) [FM] und *ваись* wwörtl. (‚derjenige, der aus dem Wasser kommt‘): «Колесо бердö пö пукяс эта ваисьыс и сыналö юрсиэз, оз сет изны-тö» (‚Der Wassergeist, er setzt sich am Rand des Rades und kratzt das Haar, lässt nicht mahlen‘) [Goleva 2010: 66]. In mythologischen Texten sind auch andere Namen üblich, von denen einige ausgeliehen sind: *кульшун*, *кулюккез*, *куль* ‚Teufel‘; *вакульпияннэз* (‚Wasserteufelkindchen‘); *ичетки* (*учёттик* – ‚der Kleine‘); *сорваись* ‚Verwirrer‘; *вабес* ‚Wasserbösewicht‘; *водяной* (‚Wassergeist‘), *русалкаэз* (‚Wassernixen‘); *черти* (‚Teufel‘).

Am häufigsten wird ein Wakul als Mensch oder Fisch dargestellt. MF kann männlich oder weiblich sein, aber in modernen Darstellungen von Wassergeistern werden sie als Frauen oder Mädchen mit langen Haaren beschrieben. In der Regel wird der MF keine Attribute verliehen. Im Allgemeinen ist „die Verehrung der Wasserquellen von Komi-Permjakenselten mit der Einstellung zu Geistern als den ‚Herren‘ der Gewässer verbunden. Das Bild der Wassergeister ist eher auf den negativen für Menschen Eigenschaften des Wassers und der Gewässer aufgebaut“ [Goleva 2010: 106].

Quellen:

FM – Feldmaterialien

---

³Die Forschung wurde mit Unterstützung von Fördermitteln des Russischen Fonds für fundamentale Forschungen 18-012-00750 ausgeführt.

Goleva T. G. *Mythologische Figuren im System der Weltanschauung von Komi-Permjaken*, Sankt-Petersburg, 2010. 272 S.

Vinogradova L. N. *Volksdämonologie und mythenrituelle Tradition der Slaven*, Moskau, 2000. 432 S.

Efim Kurdiukov: Состояние культуры народа коми в Республике Коми на современном этапе

К началу XX века финно-угорские народы, в частности, и коми, сформировали обширный культурный пласт. Это привело развитию финно-угорского мира в начале прошлого столетия. Однако, подъем финно-угорского самосознания в России был приостановлен в советскую эпоху в 1930-х. Именно в это время было свернуто краеведческое движение, ограничена свобода изучения традиционной культуры и само развитие этнических меньшинств. Одновременно с этим происходила русификация коренного населения, русский язык в массовом сознании населения считался более престижным, поскольку с ним было связано будущее благосостояние и выживание народа. Это несомненно оказало влияние на развитие коми культуры в настоящее время.

На современном этапе феноменологичность коми культуры заключается в том, что она застряла между пережитками советского периода и новой формирующейся российской культуры, которая еще сама не выработала единый ориентир развития. Это мешает коми культуре полностью трансформироваться в новом культурном пространстве и выработать свои ценностные представления.

В период глобализации и развития интернет коммуникаций существуют все условия и возможности для развития и совершенствования этнической культуры. Несмотря на это, культура коми народа все еще находится в стадии стагнации. Искусственное и пассивное поддержание культуры с помощью мимолетных форумов и проектов приводит к консервации системы культурных ценностей. А преодолеть это невозможно без активного развития языка и рефлексии, потому что язык – это базис всей культуры. Кроме этого этап стагнации характеризуется и поиском новых путей, решений и возможностей развития культуры. И это несомненно присутствует в Республики Коми.

Pavel Kutergin: The representation of Udmurt culture through the example of the Udmurt group of “garmon” players Shud

The contemporary Udmurt musical, choreographic, singing and instrumental culture (industry) is diverse and manifold. This is due to the influence of new trends in global

“culture” (singing, music, choreography, instrumentalism etc.) and it is preserved and reproduced thanks to the treasury of ethnic folklore. The musical instrument called “garmon” plays an enormous role in the life of the Udmurt, since its appearance in their everyday life. We may well argue that it accompanies each Udmurt from his or her birth up to his or her death – both included.

The “garmon” makes the beauty of all the Udmurt events. In the Udmurt Republic there are two well known groups of musicians: one is entirely composed by women in the South of the Republic, the other, whose members are younger, is mixed and based in the central region of Sharkan. We shall discover this one. This group is an original representation of the Udmurt culture, it generates ethnic self-awareness among the Udmurt, provides a space for the training of new leaders for the group, stimulates children and youngsters to learn to play “garmon” both in the Sharkan district as in the whole Udmurt republic.

Anna Kuznetsova: Venemaa, Soome ja Eesti mittetulusühingute tegevus

Käesolev uuring on praegu käimas ja põhineb Venemaa (Komi ja Karjala), Eesti ja Soome mittetulusühingute (MTÜ) tegevuse analüüsil. Töö eesmärk on määratleda soome-ugri küsimustega seotud MTÜde tagapõhja, peamisi eesmärke, ülesandeid ning nende eripära. Uuringus kasutatud meetodid on intervjuud, sisuanalüüs ja võrdlev analüüs.

Esialgne hüpotees tugineb järgmisele sättele: Soomes ja Eestis kodanikuühiskonnal on oluline roll; MTÜde positsioon ja tegevus on valitsustest suurel määral sõltumatu. Venemaa ametivõimud mõjutavad MTÜde tegevussuunda nende konkreetsetele projektidele vahendite eraldamise või mitteeraldamise kaudu, näiteks MAFUNi kongress 2017. a. ja IFUSCO-2016 ei toimunud Venemaal ametivõimude otsustest tingitud rahapuuduse tõttu.

Soomes luuakse valitsusvälised organisatsioonid konkreetsete probleemide lahendamiseks: Sámi Duodji ry tegeleb saami kultuuri säilitamisega ja toetab saami käsitöölisi, Anarâškielâ servi rs tegutseb saami keele säilitamisega. Lisaks sellele ei ole mõned algatused ametlikud institutsioonid: näiteks kultuuripraktikad (kunstnikud ja muusikud) mängivad olulist rolli keele ja kultuuri säilitamisel.

Eesti MTÜde peaesmärk on edendada soome-ugri kultuure ja koostööd üldiselt, kuid ka toetada Venemaa soomeugrilasi, kellel ei ole oma riiki. Seega on Fenno-Ugria tegevus pühendatud soome-ugri rahvaste kultuuri, hariduse ja teaduse edendamisele ning Venemaal elavate soome-ugri inimeste toetamisele, eraldades toetusi õppe-, teadus- ja kultuurivahetuseks. Fenno-Ugria Noorte peamine eesmärk on soome-ugri rahvaste tutvustamine, soome-ugri liikumise edendamine, samuti toetavad nad teisi

soome-ugri rahvaid ürituste korraldamise ning toetuste taotluste kirjutamise kaudu. Olemas on ka konkreetsete küsimustega tegelevad organisatsioonid: näiteks MTÜ Seto Küük tegeleb Setomaa ettevõtluskeskkonna arendamise ning seto toidu maine kujundamisega, MTÜ Seto Käsitiü Kogo eesmärk on seto traditsioonilisel käsitööl põhineva ettevõtluse arendamine.

Venemaa puhul on soome-ugri valitsusväliste organisatsioonide eesmärk säilitada oma keeli ja kultuure, kuid ka kaitsta oma õigusi (Mi, Home of Karelian Language, Nuori Karjala). Mõned algatused on käivitatud "ülevalt" valitsuse poolt (AFUN loodi MAFUNi koopia, Soome-ugri ülikoolide üliõpilaste assotsiatsioon loodi mitte õpilaste, vaid ülikoolide juhtkondade poolt).

Kõik see võimaldab järeldada, et erinevates riikides on soome-ugri organisatsioonide tegevuses sarnasused ja erinevused. Esialgelt on MTÜd loodud soome-ugri rahvaste kultuuri kaitseks, kuid mõningatel juhtudel tegevus erineb põhimõtteliselt poliitiliste joonte ja prioriteetide tõttu.

Elena Lastochkina: Названия атмосферных явлений в марийском языке

Метеорологический лексикын ик эн кумдан шарлыше ужашыжлан атмосферный осадкым лүмдымаш шотлалтеш. Тиде тüşкашке йўрым, лумым але мардежым ончыктышо кончыш-влак пурат. Марий йылмыште тыгай тüşкаш пурышо мут-влак шуко вашлиялтыт. Мутлан: йўр, йўран, ночко, лум, поран, күдырчö, мардеж, озыркан мардеж да т.м.

Кугезына-влак пүртүс кончыш-влак дене кылдалтше палым шекланеныт. Мутлан, Шорыкйол арняште могай игече, кенез рүдö арняште тыгаяк игече шога, але Шорыкйол арняште ояр лиш гын, Сүрем тылзыште (июлышто) шокшо, ояран игече лиш, манын ойланыт. Тыгак моло пайремлаштат игечын могай лиймыжым эскереныт, молан манаш гын кугезына-влакын мланде дене кылдалтше озанлык пашашт пүртүс кончышым, игечын вашталт шогымыжым тütкын эскерен шогаш таратен. Жапыштыже йўр, шокшо толын гын, шурно сайын шочын, саска умен, мүй лектышат куандарен. Садлан игече шотышто ончылгоч палаш тыршеныт: мо ышталтым, могай вашталтыш лиеден шогымым шекланеныт, нунын кокласе кылым умылаш тыршеныт. Шукыж годым сай игечым вученыт, а шүкшү жап нерген тыге ойланыт: Сай оза тыгай игечыште пийжымат түгö ок лук.

Атмосферный осадкым ончыктышо метеоним-влак шукыж годым тошто финно-угор йылме гыч толыныт але марий йылмын шке мутвундыж гыч улыт. Шке докладшытына метеоним-влакымым лингвистике могырым ончен лектына да пүртүс кончыш-влак дене вашлиялтше пале-влак дене палдарена.

Виктория Лебедева, Екатерина Шильникова: Образовательные электронные ресурсы по коми языку для смарт-поколения

На сегодняшний день остро стоит вопрос по изучению родных языков. В многонациональной стране, как наша Россия, тема сохранения и развития языков всегда актуальна, т.к. существование народа напрямую связано с его языком. Не развивая язык, народ автоматически движется к исчезновению. Это глобальная проблема, которая стоит перед всеми народами, о чем указывается и в резолюции Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов, на основе которого Генеральная Ассамблея ООН объявила 2019 год Международным годом языков коренных народов.

В Республике Коми 2 государственных языка – русский и коми. В качестве одной из форм развития и популяризации коми языка Центром инновационных языковых технологий FU-Lab было решено создать образовательный портал для смарт поколения, т.к. большинство населения, в том числе и молодежь, сейчас живет в электронном пространстве. Мы принимали активное участие в этом проекте. Для чего же мы создали портал? Ответ очень прост: для оптимизации изучения языка. Ведь в интернете изучить язык намного проще, чем пойти по старинке в библиотеку и искать там словари и учебные пособия, а интернет дает больше возможностей. В любое время можно зайти на сайт и продолжить изучение языка или узнать информацию о том или ином народе, являющегося тебе интересным, а также подтянуть грамматику, послушать разговорник и просто провести время с пользой.

Образовательный портал по изучению коми языка предназначен для пользователей, не владеющих коми языком. Меню портала включает в себя 8 направлений. Первое направление коротко рассказывает о коми языке. Второе включает в себя коми-русский и русско-коми словарь, которые необходимы для изучения языка. Третье-тексты, которые можно прослушать и перевести. Далее грамматика. В неё входят видео, в которых подробно рассматриваются темы в области грамматики. Пятое направление-разговорник. В разговорнике есть множество выражений, которые можно прослушать. Шестое-курсы по изучению коми языка. Здесь пользователь может выбрать понравившийся ему курс. Надо отметить, что здесь актуализированы старые учебники по коми языку. Далее направление касается учителей. Там они могут выбрать готовые методические разработки для уроков. Последнее направление - полезные ссылки на различные ресурсы по изучению коми языка.

Мы уверены, что именно такой интернет ресурс поможет повысить количество людей, говорящих на коми языке. Необходимо отметить, что для привлечения большой аудитории важно предоставлять процесс обучения в современном

стиле.

Anti Lillak: Возникновение этнической группы сету – дебаты не прекращаются

Сету – малочисленный народ, проживающая на юго-востоке Эстонии и в Псковской области России. Обычно сету считали этнической группой эстонцев, но в последние десятилетия также распространено мнение, что сету является отдельным народом. Многие аспекты национальной культуры сету, такие как одежда и украшения, архитектура и большая часть фольклора отличаются от эстонской. До начала XX века культура сету была связана с русским культурным пространством. Традиционной верой сету является православие, в то время как эстонцы уже в XII/XIII веке были присоединены к западной культуре, обращены сначала в католическую, позже в лютеранскую веру. Объединяющей чертой сету и других южных эстонцев можно считать схожий язык и тесное общение через административные границы. В последние 100 лет сету все более идентифицируют себя эстонцами.

После «открытия» сету в академических кругах в начале XIX века становится актуальным вопрос формирования самобытной культуры этого народа. Этот вопрос представляет интерес представителям разных дисциплин: историкам, археологам, этнологам, фольклористам и лингвистам, которые используют в дискуссии различные источники информации. Исследователи придерживаются двух точек зрения: одни считают сету потомками людей, проживавших с давних времен на территории Сетумаа, от них и происходит большая часть традиционной культуры этого народа. По мнению других, сету являются потомками крестьян, бежавших в XVII–XVIII веке от крепостной зависимости из Южной Эстонии на земли Печорского монастыря. Обе точки зрения были распространены на протяжении долгого времени, иногда на мнение исследователей оказывала влияние общая политическая обстановка.

Несмотря на то, что исходя из разных источников иногда представляются противоположные точки зрения, представляется возможным сконструировать теорию происхождения сету, которая учитывала бы все аргументы предшествующих исследователей. На основе всего вышесказанного возникает новый вопрос: могла ли группа прибалтийско-финского народа (предшественники сету) проживая в непосредственной близости с древнейшими русскими городами Псковом и Изборском, сохранить свой язык? Или же финно-угорская - славянская языковая граница являлась более подверженной изменениям, нежели до сегодняшнего дня было принято считать.

Анна Махотина: Микротопонимы и гидронимы бассейна р. Вашка Удорского района Республики Коми

Названия отдельных мест окрестности родного села давно тянули меня к их исследованию. Изучила работы Адольфа Ивановича Туркина. Основываясь на его работе, оронимы и гидронимы своего сельского поселения я тоже рассматривала по двум основным направлениям.

1. Оронимы и гидронимы (названия), связанные с жизнедеятельностью человека.

- а) *Антропонимика* – места, связанные с именем, прозвищем конкретного человека. Капачой – Капин берег, с этого крутого берега – чой – девушка Капа скатилась вниз. Игуш (от фамилии Игушев) – сенокосные уголья Игушевых. Тикён керкадор – округа возле охотничьего дома Тихона. Есть речки, названия которых произошли от имени человека: Гриштаэль, Валяэль, Пилей кось.
- б) *Этнонимика, этнос, народность*
Между деревнями Мукты и Тыйыв у озера Тыйыв есть место – Чудь мыльк – холм Чудей, где некогда жила чудь. Возвышение окружает лес Памъяг, от имени предводителя чудей – Пама.
- в) *Труд и жизнедеятельность человека в топонимике местности.*
Сёйбосътанвомын – На Ежуге место, где берут глину, самую лучшую, для изготовления глиняной посуды и кирпича.
- г) *Событийность в истории местности.*
Жытейкось – пережат на Ежуге, куда приносят подаяние воде – подовый хлеб – жытей.
- д) *Животный мир в названиях округи.* Вёвкунтанъяг – лесок, любимое место отдыха лошадей, где обычно их находили. Ошка – Медвежий берег – крутой берег на Вашке, где однажды боролись медведь с быком, и медведь победил быка.
- е) *Фитотопонимы* – растительный мир в названиях местности.
Кыддзаэль – березовый ручей,
Пипуэль – осиновый ручей.
- ж) *Подводный мир в названиях местности.*
Ёкышавад – окуневая заводь,
Гычаты – карасевое озеро;
- з) *Пернатый мир в названиях местности.*
Куккуяг – кукушкин лес,
Тшаркейяг – дроздовый лес.

и) *Современная жизнь и топонимика.*

Аэропортвидз – Луг аэропорта – бывшая площадка Чупровского аэропорта, используют как сенокосное угодье.

2. Оронимы и гидронимы по признакам объекта.

а) *Цветовая гамма названий:* Еджыдчой – белый яр, здесь брали белую глину;

б) *Указания на размер:*

Саридзты – озеро у д. Коптюга в половодье как море.

Ыджыдлуг – большая поляна у д. Муфтыуга;

в) *Указание на форму:*

Падёсачой – столбовой берег,

Гачаты – озеро, похожее на брюки (гач);

г) *По своеобразию:*

Бёрдысьчой – плакучая гора,

Солававис – солёный проток, соединяющий озеро с рекой.

3. Заимствования.

В географических названиях использованы коми слова, много диалектизмов. Но среди них встречаются и слова из других языков.

Турым – с языка манси «турынг» – озёрная река.

Швантуй – от немецкого «швань» – свинья, «свинская дорога», «свинское место», т. е. очень грязно. Так называли солдаты, возвращавшиеся с первой мировой.

Итак, в ходе данного исследования выявлено: интересен круг топонимических обозначений в нашем поселении. В названиях использованы диалектные слова, присущие для местного населения. Наша главная задача - сохранить древние и новые коми названия для будущих поколений.

Timea Mertl: Saamelais- ja serbinuorten identiteetti ja kielenkäyttö Suomessa ja Unkarissa

Suomen saamelaisten suhtautuminen kieleensä ja kulttuuriinsa on ollut monien tutkimusten kohteena (ks. Duray 2014 ja siinä mainittu aikaisempi kirjallisuus), Unkarin serbeistä taas on tehty vastaavanlaisia tutkimuksia huomattavasti vähemmän (esim. Bindorffer & Sólyom 2007). Oman tutkimukseni päämääränä on vertailla näiden kieli-vähemmistöjen asenteet ja niihin vaikuttavat tekijät. Keskipisteessä on nuoria aikuisia,

jotka yleensä käyvät vielä lukiota ja etsivät omaa identiteettiään. Kuinka suuri merkitys vähemmistökielellä on heidän elämässään?

Viime vuonna haastattelin 5 oppilasta kummankin maan pääkaupungista sekä 5 vähemmistöalueen asukasta, eli tein yhteensä 20 haastattelua, joiden perusteella tein kvalitatiivisen sosiolingvistisen analyysin heidän asenteistaan ja kielenkäytöstään koulussa ja koulun ulkopuolella. Kyselylomakkeeseen saamieni vastausten sekä aiempien tutkimusten avulla haluan esittää myös, minkälaisia mahdollisuuksia näillä kielivähemmistöillä on käydä koulua omalla kielellä ja harrastaa omaa kulttuuria. Esitelmässä kajoan myös seuraaviin kysymyksiin: onko assimilaatio uhkaava ongelma Suomen saamelaisten ja Unkarin serbien tapauksessa? Miten kaksi vähemmistöä poikkeavat toisistaan historiallisesti ja demograafisesti? Mitkä kulttuuriset aspektit muodostavat kansallisen identiteetin kielen lisäksi?

Tutkimus on osa maisteritutkielmaani, joka valmistuu tänä keväänä Eötvös Loránd -yliopiston Suomalais-ugrialaisten kielten laitoksessa, Budapestissa. Esitelmän pidän unkariksi, englanninikielisten diojen avulla.

Lähdeviitteet:

Duray, Zsuzsa 2014. La situation des Sames du nord dans les communautés d'Enontekiö et de Sodankylä en Finlande. Les langues finno-ougriennes aujourd'hui I. Études finno-ougriennes. L'Harmattan. 44: 169–197.

Bindorffer, Györgyi & Sólyom, Barbara 2007. *A pomázi szerbek identitása*. Változatok a kettős identitásra. Budapest: Gondolat kiadó: 188–236.

Августина Михайлова: Лингвистические и экстралингвистические аспекты субтитрования при переводе кинофильмов с венгерского языка на удмуртский язык

В докладе исследуются лингвистические и экстралингвистические аспекты при переводе кинофильмов с венгерского языка на удмуртский язык. Конкретнее рассмотрен такой вид аудиовизуального перевода как субтитрование. Субтитры являются диалогом, основой сюжета фильма, поэтому можно считать, что субтитрование – это жанр художественного перевода. Из этого следует, что при создании субтитров необходимо учитывать жанровые особенности текста и требования положения субтитров на экране. При этом переводчик применяет различные переводческие трансформации для достижения полной адекватности при переводе с одного языка на другой. В докладе рассмотрены переводческие трансформации, применяемые в переводе субтитров с венгерского языка на удмуртский язык к венгерскому фильму «Белые ладони» „Fehér tenyér“. Также рассмотрены требования евростандарта по оформлению субтитров, и проанализи-

рованы субтитры к фильму «Төдъы кырымпыдэсъёс» на соответствия данному евростандарту.

Veronika Milanova: Роль ареального фактора в формировании терминологий родства⁴

Существует три фактора межъязыковых и межкультурных сходств: генеалогический, ареальный и типологический. Параллели между терминологиями родства (ТР) в различных языках могут также быть обусловлены одним из этими факторов.

Сходство ТР по причине генетического родства языков – тема, исследуемая сравнительно-историческим языкознанием. Целью подобных исследований обычно является реконструкция ТР для соответствующих праязыков. Данный метод может показать довольно высокую эффективность для выявления этимологии отдельных терминов. Тем не менее он не всегда применим для объяснения структурных особенностей ТР.

Типологическое сходство ТР разрабатывается особенно тщательно в рамках социальной и культурной антропологии. Целью этих исследований является выявление универсальных тенденций формирования и развития института семьи в различных человеческих обществах. Главная проблема данного метода связана с вопросом семантических универсалий. С 1970-х годов многие антропологи начали высказывать сомнения, что базовые понятия родства в языках Европы подходят на роль универсальных значений для компонентного анализа ТР других языков, а лингвистические проекты последних десятилетий Natural Semantic Metalanguage (NSM) и Loanword Typology (LWT) подтвердили справедливость большинства этих сомнений.

В нашем докладе мы хотели бы привести аргументы, что именно ареальные и контактные исследования имеют особое значение для анализа ТР. На материале иранских, тюркских и уральских языков будет показано, что для формирования состава и структуры ТР ареальный фактор может быть определяющим.

Anna Mishina: Misjonitöö, kunst ja etnograafia: fiktsioon või visioon

Selle teemani jõudsin seoses „Mustrid kõla“ näitusega Tallinna Vene muuseumis, mille eestvedaja oli muuseumi pedagoog Ludmila Yamurzina. Näituse idee oli esitleda udmurdi kunstniku Stanislav Antipovi maalidele lisaks etnograafilised esemed, mis kuu-

---

⁴In co-authorship with Sampsa Holopainen, Jeremy Bradley, and András Czentnár

luvad Eestis elavatele soome-ugridele. Leiti, et palju eksponaate erinevatest soome-ugri aladelt omab oma kollektisoonis Eesti Evangeelse luterliku kiriku misjonär, diakon Anu Väliaho. Töötades Venemaal hõimurahvaste juures 1992–2012 aastatel, oli ta kogunud 20 aasta jooksul palju erinevaid kauneid esemeid. Anu Väliaho ja tema soomlasest abikaasa mõtteid misjonist ja etnograafiast hakkab avaldama oma ettekandes. Väliahode pere on teinud oma kristliku kuulutamise töö Mari, Komi, Mordva, Udmurdi, Tšuvašia, Baškortostani ja Tatarstani Vabariigides. Igast kohast on nendel mälestus eseme vormis, igal asjal on oma saamise lugu. Bashkortostanis, Birski linnas, kus Väliahod elasid ja teenisid 8 aastat, tekkis kohalikest maridest kogudus, ehitati koguduse ja külaliste maja. Ühes koguduse hoonedes Anu algatusel tehti ka väike etnograafiline muuseum, nendest esemetest mis olid kingitusteks saadud või ostetud küladest. Alati mari kogudustes on olnud mari käsitöömeistreid, kunstnikke ja puuseppasid, kes avaldasid enda ande ka kristlikel teemadel. Kokkuvõtteks võib öelda, et kohalik luterlik kogudus sai kultuurikeskuseks paljudele läheduses elavatele maridele.

Bridget Frances Moran: Die Revitalisierung des Livischen

In der EU gibt es schon 21 Sprachen, die auf der Webseite des Endangered Languages Project o.J als „stark gefährdet“ gekennzeichnet sind. Revitalisierung ist eine Möglichkeit, diese Sprachen noch am Leben zu halten. Sprache umfasst eine Kultur – geht die Sprache verloren, dann verschwindet die Kultur und auch ein Teil der Geschichte. Geht eine Sprache verloren, dann verschwindet auch eine Weltanschauung. Oft ist es Familiengeschichte, die damit verschwindet – vielleicht waren die Großeltern oder Urgroßeltern noch Muttersprachler_innen. Revitalisierung ermöglicht den Kontakt der neuen Generation mit der Sprache ihrer Vorfahren und gleichzeitig mit einem Teil ihrer Identität. Livisch wird zurzeit von der gleichen Webseite, Endangered Languages, als „Format“ bezeichnet. Dies bedeutet, dass die Sprache keine Muttersprachler_innen mehr hat, aber dass sich eine kulturelle Gruppe noch damit identifiziert.

Diese Arbeit beschäftigt sich mit dem momentanen Stand der Revitalisierung der livischen Sprache. Wie sieht die heutige Lage aus? Wer engagiert sich in dieser Revitalisierung und welchen Bezug dazu hat der lettische Staat? Ist es möglich, die livische Sprache wieder als Sprache des Alltags und der Gesellschaft einzuführen? Was wird dafür gemacht? Hat Livisch eine Zukunft und wird sie im nächsten Jahrhundert erfolgreich revitalisiert werden können? Ich beziehe mich für diese Arbeit vorwiegend auf Werke der letzten 20 bis 25 Jahre, weil diese sich nicht nur mit dem Korpus beschäftigen, sondern auch mit Sprachplanung. So kann man also eine bessere Vorstellung bekommen, wie die nächsten Jahre für Livisch aussehen können. Ich werde mich deshalb zuerst mit den staatlichen Maßnahmen und der konkreten Lage der Sprache in Lettland befassen, danach mit den Akteur_innen und Handlungen der Revitalisierung und zuletzt mit den Hindernissen, die aus dem Weg geräumt werden müssen.

Merit Müller: Az inari számi asszociatív duális

A számi nyelvek a magyarnak távoli rokonyelvei, amik ugyanúgy mint a magyar az uráli nyelvcsalád finnugor csoportjába tartoznak. Említésre való, hogy pedig korábban csak egy számi nyelvről és a nyelvjárásairól beszéltek, ezeket a nyelvváltozatokat mostanában külön nyelveknek tartják. A legtöbb tanulmány tíz számi nyelvet említ.

Az egyes és a többes szám mellett a legtöbb számi nyelvben a kettős szám (duális) is létezik, amelynek az elterjedése viszont változó a különböző számi nyelvekben. Az inari számiban a személyi névmásokon és az igeragozáson kívül az ún. *asszociatív kettős* szerkezetben is megtalálhatjuk a duálist.

Az asszociatív kettős szám összehasonlítható a magyar asszociatív többessel, amit a magyar terminológiában többesjelnek vagy heterogén többes számnak is neveznek. Mint a magyar asszociatív többes szám, a inari számi asszociatív kettős szerkezet is egy főnévből és egy toldalékból (*-kyevtis*) álló egység. Az asszociatív kettős esetben ez az egység a főnévvel jelzett entitást és a hozzá tartozó entitást jelenti, az asszociatív többes esetben viszont több, mint egy hozzá tartozó entitást is jelenthet.

A előadásom az inari számi írott nyelvi korpuszában (SIKOR) előforduló asszociatív duális példáit fogom elemezni és a következő kérdésekre válaszolni:

1. Milyen főneveket találhatunk az inari számi asszociatív kettős szerkezetben? Vannak-e korlátozások?
2. Hogyan tartozik a jelöletlen entitás a jelzett entitáshoz, milyen lehet a kapcsolatuk?
3. Milyen kontextusban fordul elő az inari számi asszociatív kettős szám?

Idáig még nincsen leíró kutatás az inari számi asszociatív kettős számról, sőt a jelenlegi leíró inari számi nyelvtanok (l. Olthuis 2000, Morottaja & Olthuis 2016) sem említik az asszociatív kettős számot.

Használt források:

Olthuis, Marja-Liisa 2000. Kielâoppâ. Inari: Sämitigge.
Morottaja, Petter, Olthuis, Marja-Liisa 2016. Inarinsaamen kielioppi. (kézirat) SIKOR = Sámi Internationála Korpus. UiT Norgga árktalaš universitehta ja Norgga Sámedikki sámi teakstačoakkáldat. Verzió 2016.12.08. <http://gtweb.uit.no/korp/>

Galina Nekrasova: Entrepreneurship as a factor of economic growth in the northern regions of Russia

The northern regions play an essential role in the social and economic development of Russia. On the one hand, there is a large concentration of natural resources on its

territory (fuel and energy, forestry, fishing and hunting, water, etc.), mining and processing of which allows the creation of products with high added value and provides more than a third of the gross domestic product of the country. On the other hand, only about 10 million people continuously live in the region. However, the cost of living for the population is higher when compared with other regions of Russia (expenses including health insurance, social needs, creating and maintaining infrastructure).

Conducting business is also more expensive in the north, which is associated with high wage costs (northern and regional allowances), significant transport costs, the impact of seasonal factors, etc. At the same time, the development of entrepreneurship is an essential factor for economic growth in the northern regions, as it partially solves social problems created by migration outflow and a high unemployment rate.

Entrepreneurial activity by individuals depends on the success of government measures to support small and medium businesses. In the Komi Republic, assistance is available in the following forms: financial, property, infrastructure, information and consulting. Financing of the mentioned measures allows both to increase the number of entrepreneurs, to support already existing businesses, and to reduce the differentiation of incomes of residents of the region. The expansion of existing enterprises is largely determined by the realization of the financial potential of the region, in other words, the ability of the financial system to achieve longterm goals for development through effective and balanced use of available resources. The Komi Republic ranks 35th in terms of financial risk (a decrease of 9 spots from 2017) and 45th in terms of financial potential (one less than last year) among all subjects in the Russian Federation. This indicates the presence of restrictions for the realization of financial potential. One of the reasons is the increase in debt, which does not improve the financial condition of organizations, but, on the contrary, leads to a decrease in the balanced financial result and profitability of assets.

Therefore, the revitalization of entrepreneurial activity is one of the tools to develop the northern territories. However, every subject has unique properties that hold back this process. Understanding and taking them into account in the implementation of state policy is a vital condition for the economic growth of the regions and an improvement in the quality of life of the local population.

Dániel Németh: Az új finnugor–ótörök etimológiai vita és a magyar nyelvtörténet

2011-ben jelent meg a *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian* című munka (=WOT), melyet Róna-Tas András és Berta Árpád szerkesztett. A kutatás, amely 1995-ben kezdődött, 2008-ban zárult le, a kéziratot 2009-ben zárták. Róna-Tas A-tól K-ig szerkesztette a szótári részt, a többin Berta dolgozott. 2008-ban egyúttal életét vesztette

Berta Árpád, így Róna-Tas fejezte be a kötetet. A WOT-ben 561 magyar szót vizsgáltak meg, 384 esetében tartanak lehetségesnek (különböző valószínűségű szinteken) ótörök eredetet.

A magyar történeti fonológia fejezet (melynek egyik alfejezete az ugorral is foglalkozik) Bakró-Nagy Mariannal 2007-ben együtt tartott előadások után írta Róna-Tas, noha Honti Lászlóval is megbeszélte néhány problémát az ugor–magyar történeti fonológiáról. Ezután Honti 2017-ben jelentette meg *A magyar és a nyugati ótörök szókészlet kapcsolatairól* címmel a WOT után támadt kétségeit, ötleteit. Több mint félszáz szót vetett újra elemzés alá. Kötetének lektora Kiss Jenő (akinek finnugor szakos végzettsége is van) és Róna-Tas András volt. Honti azt feltételezi, hogy a könyve leginkább uralistáknak áll érdeklődési körében.

Ugyanebben az évben jelent meg az egyik legfontosabb magyar uralisztikai folyóiratban, a *Nyelvtudományi Közleményekben* Róna-Tas válaszcikke. Ebben 49 vitatott és biztos etimológiához fűz megjegyzéseket amellet, hogy etimológiai módszertani szempontból is értékes gondolatokat fogalmazott meg.

Különös módon turkológus és obugrista között alakult ki vita az ősmagyar fonológiáról és a magyar szavak etimológiájáról – emiatt éppen a magyar nyelvtörténészek számára legalább ugyanolyan fontos a diskurzus. A különböző tudományok közti párbeszéd mindig üdvözítendő, hiszen egyetlen kutató már nem tudja átfogni az egyre nagyobb tudáshalmazt, így az interdiszciplináris kutatások újabb eredményekhez vezethetnek. De a magyar nyelvtörténet önálló szempontjainak és alapvetően annak belső problémáira való alapozottság hiánya feltűnhet e vitában. Holott önálló magyar nyelvtörténeti szempontokkal, eredményekkel és adatokkal, módszertannal termékenyebbé lehet tenni. Előadásomban a vitában felbukkanó egy-egy etimológia példáján keresztül fűznék megjegyzéseket. Ezek között vannak a szakirodalom használatával, adatkezeléssel és azok értelmezésével, alak- és jelentéstani magyarázatokkal, belső összefüggések felismerésével, valamint alapvető magyar nyelvtörténeti ismeretekkel kapcsolatosak is.

Zoltán Németh: The use of contemporary music to improve the prestige of Udmurt language

Käesoleva ettekande eesmärk on tutvustada mõningaid tuntuimaid ja populaarseimaid Udmurtia muusikalisi kollektiive ning näidata, kuidas nende töö edendab udmurdi keele prestiiži. Ei ole üllatav, et mitmed neist valivad enda eneseväljenduse viisiks just muusika, sest laulud on teatavasti alati udmurtide südames olnud. Kuid selliste artistide nagu Silent Woo Goore, Bobolenin, Mort jt loomingus on midagi erilist, mille poolest nad teiste hulgast silma paistavad: tahtlikult võivad enesele teadmata tõstab nende tegevus udmurdi keele prestiiži. Nende tegevus mõjutab peamiselt udmurtide enda

suhtumist oma emakeelde, mitte niivõrd teiste keelte kõnelejate suhtumist, kuid see on väga suure tähtsusega. Kozmács (2008) on leidnud, et keele üks suurimaid probleeme on, et selle kasutus piirdub kohaliku tasandiga (nt näidendid kohalikus teatris, kuid rahvusvahelisi bestsellereid udmurdi keelde ei tõlgita), kuid need muusikud tõestavad, et udmurdi keelt saab kasutada ka nendes muusikažanrides, mis ei ole levinud ja milles udmurdi keelt varem kasutatud ei ole, nt räpp, indie-rokk või grunge-rokk. Minu tähelepanekute kohaselt valivad sellised bändid oma eesmärgi saavutamiseks tavaliselt ühe kahest viisist. Nad kas valivad žanri, mis on udmurdi muusikas juba olemas, ning püüavad seda nihutada uuele žanrile lähemale, või võtavad lihtsalt uue žanri ning hakkavad selles muusikat tootma ilma seda millegi olemasolevaga ühendamata. Mõlemad viisid näivad efektiivsed ning neil on väga tuntud esindajaid. Ettekandest saad teada, millistel artistidel on see väike lisaelement olemas ning mida on oluline teada nende loomingust ning mõjust udmurdi keelele.

Izabella Nyári: Emigráció és kultúraközvetítés: magyar műfordítók a két világháború között

A fordítástörténeti és részben (fordítás-)szociológiai kutatás – amely doktori disszertáció kiindulópontját képezi – a magyar emigráns fordítókra fókuszál, ezen túl pedig a két világháború közötti időszakban végzett (mű)fordítói tevékenységükre, amellyel feltételezéseim szerint hozzájárultak a korabeli európai kultúra- és tudományközvetítő folyamatokhoz. A doktori kutatás során foglalkozom mindemellett a két világháború közötti politikai és történelmi indíttatású emigrációs hullámokkal, a magyar emigráció kulturális központjaival a világban és ezen központok relevanciájával az irodalmi és tudományos fordítás és tudásközvetítés kapcsán magyar-német nyelvírányban.

A konferencián elsősorban a két világháború közötti (mű)fordítást, mint (sokszor kiegészítő) szakmát mutatom be a német nyelvterületeken emigrációba került vagy kényszerült magyarok tekintetében, előadásomban központi helyet foglal el továbbá a (mű)fordítás ismeret- és kultúraközvetítő szerepének rövid ismertetése is fordítástudományi tézisek alapján. A bemutatásra kerülő és az előadásban feldolgozott gondolatok részét képezik doktori kutatásomnak és kérdéseket vetnek fel a (mű)fordító történelmi és társadalmi szerepével kapcsolatban.

Patrick O'Rourke: The Livonian substrate in Estonia and Latvia

Esitelmässäni tutustutan tulevan väitöstutkimukseni aiheita. Väitöstutkimukseni otsikko on suomeksi ”Liiviläissubstraatti Virossa ja Latviassa”. Aiheeni käsittelee siis

liivinkielisen substraatin mahdollisuutta Riianlahden rannoilla puhutuissa nykyisissä kielissä, käytännössä virossa ja latviassa.

Väitöstutkimukseni jatkaa kandidaatintutkinnossani tehtyä tutkimusta (O'Rourke 2015), jossa vertasin Häädemeesten kihlakunnan murretta ja salatsinliiviin. Tutkimukseni päämääränä oli selvittää, onko Häädemeesten kihlakunnan murteessa esiintyviä kielellisiä piirteitä mahdollista selittää liivin kielen substraatilla. Tutkimuksessa ilmeni, että liivinkielisestä substraatista on viitteitä paitsi Häädemeesten kihlakunnan murteessa, myös laajemminkin Pärnunmaan alueella.

Väitöstutkimukseni päämääränä on selvittää liiviläisten etnogeneesiin liittyviä kysymyksiä, kuten liiviläisten esihistoriallinen puhuma-alue ja liiviläisten kielten vaikutus nykyään puhutuissa kielissä, tarkemmin sanottuna latvian ja viron murteissa. Tutkimukseni aihe hyödyttää myös virolaisessa kielitieteessä ajankohtaista kysymystä virolaisten etnogeneesin tutkimisesta, sillä kuten mainitussa kandidaatintutkinnossanikin ilmeni, liittyvät liiviläiset virolaisiin paitsi kielisukulaisuuden kautta, myös osana virolaisten etnogeneesiä. Jatkan väitöstutkimuksellani myös laajemminkin uralilaisessa kielitieteessä tehtyä tutkimusta erinäisten uralilaisten kielten substraateista, kuten saamelaissubstraatista suomessa ja karjalassa (Aikio 2009) tai uralilaisesta substraatista pohjoisvenäläisissä murteissa (Saarikivi 2006).

Kirallisuusviitteet:

- Aikio, Ante (2009). *The Saami Loanwords in Finnish and Karelian*. Väitöstutkimus. Oulun yliopisto.
- Lang, Valter (2018). *Läänemeresoome tulemised*. Muinasaja teadus 28. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus.
- Lang, Valter (2015). *Formation of Proto-Finnic – an archaeological scenario from the Bronze Age / Early Iron Age*. Teoksessa: H. Mantila, K. Leinonen, S. Brunni, S. Palviainen & J. Sivonen. (toim.). *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Oulu 2015. Plenary papers (63–84). Oulu: University of Oulu.
- O'Rourke, Patrick & Karl Pajusalu (2016). *Livonian features in Estonian dialects*. *ESUKAJEFUL* 7 (1), 67–85.
- O'Rourke, Patrick (2015). *Häädemeeste murraku ja salatsiliivi keele võrdlus*. Kandidaatintutkimus. Tartu: Tartu Ülikool.
- Pajusalu, Karl (2012). *Phonological innovations of the Southern Finnic languages*. In: R. Grünthal, P. Kallio. (Ed.). *A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe*. *SUST* 266. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 201–224.
- Saarikivi, Janne (2006). *Substrata Uralica*. *Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects*. Väitöstutkimus. Helsingin yliopisto.

Miklos Papp: Sporadic sound changes in some Uralic languages

The main aim of my lecture is to give a statistical method that is able to characterize the links between two processes of diachronic phonology in general. According to my hypothesis, this method can be used if these processes are sporadic sound changes that have the same reflexes in two genetically related languages. The subjects of the four case studies of my lecture are the voicing of word-beginning obstruents in Permic languages, the development of the PIE syllabic sonorants in Baltic and Slavic, the reflexes of the PUG velar nasal in some Ob-Ugrian dialects and the reflexes of the PFU velar nasal in Meadow Mari and Hungarian. With the aid of the method mentioned above, the conclusions are that the first three developments took place before the breakup of the parent languages (PBSl, PP and POUg resp.) whereas the fourth one took place after the breakup of PFU (allowing to consider it as two independent developments). These conclusions are in accordance with the results known from earlier works based on other methods of historical linguistics.

Елизавета Першина, Зоя Рябчикова, Оганес Арутов: Peter Khatanzeev – the author of the first Khanty primer

How does language learning begin? Definitely from the first primer. Before Peter Khatanzeev published a primer in 1931 based on Khanty dialect of Priuralsk region, khanties had been teaching children the language without any educational literature. It was the beginning of Khanty literary language creation.

Peter Khatanzeev was a Nenets but despite this he learned Khanty in a missionary school and joined the teachers' union after it. For many years he taught the language in various schools.

However, Peter Khatanzeev realized that theoretical knowledge was not enough and in 1935 he entered the pedagogical faculty of the Leningrad Institute of the Peoples of the North and successfully finished it in 1939. After graduation, he returned to Obdorsk and worked as a school inspector for a long time. Then he taught national languages at school and worked as a translator in several publishing houses.

He described his teaching activity this way: "Khanties worried to let their children to attend school as there was no primer. At the lessons pupils made typographical marks and plywood frames. So, by the end of the year, the first primer was printed on the rolls of wallpaper". This was the cause that Peter Khatanzeev decided to create Khanty language primer.

Of course, the first primer was criticized. After studying and analyzing the composition of the primer many scientists (Eleskin F. K., Kostin M., Balandin A. N.) wrote

reviews on it. Peter Khatanzeev also realized that it wasn't ideal. In 1950, by decree of the Presidium of the RSFSR Supreme Soviet, Peter Khatanzeev for his outstanding achievements in public education was awarded the title of Honored Teacher of the RSFSR schools.

In 1955 Khanty primer for elementary schools was republished in the language of Shuryshkar and Ural Khanty. After analyzing the primer in 1956 the team of local workers recommended the author to reprint it. In 1957 Peter Khatanzeev sent the corrected primer to the Ministry of Education. However, in 1958 by the head of the District Education Department was ordered to use in preparatory classes of Yamal schools the primer of Khvatay-Muha K. F. Accordingly, the third reprint of the primer did not take place.

ДМИТРИЙ ПЕТЕЛИН: Temporal expressions in Hill Mari: adverbials or NPs⁵

This paper deals with the syntax of temporal expressions in Hill Mari. It is not quite trivial whether they are NPs or adverbials. On the one hand, units with temporal semantic are nouns, which can be used in argument positions (e.g., *šošäm äm ertäräš* 'to spend the spring ACC'), on the other – temporal expressions have some properties untypical of NPs.

Temporal expressions have been analyzed in some typological papers (e.g. Haspelmath 1997; Erschler 2009), but their morphosyntactic properties have not been discussed in full detail. Neither has this question been raised for Hill Mari. I will focus on temporal expressions which refer to parts of the day and seasons in contexts of simultaneous temporal localization (in terms of Haspelmath 1997) in comparison with the properties of argument NPs (see Simonenko, Leontjev 2012; Pleshak 2017). The data were collected in the village of Kuznetsovo (Mari El, Russia) in 2016–2018 primarily by elicitation and by analysis of Hill Mari corpus (63522 tokens, available at <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>).

I have checked different possibilities of case marking (unmarked form, accusative, genitive) and of compatibility with NP modifiers. The main results are as follows:

1. Temporal expressions can be used in the unmarked form.

(1) *irok(*-än/*-äm) mән' püşängä-m ro-en-äm*
 morning-GEN/-ACC I tree-ACC cut.down-PRET-1SG

In the morning I cut down a tree.

---

⁵The research is supported by RFBR, grant № 19-012-00627.

2. Temporal expressions can be marked with accusative and genitive case. At the same time the possessive marker of 3SG -*žâ/-žă* used in the non-possessive function (Khomchenkova 2017) follows these case markers (actually forming “frozen” temporal expressions), while normally it precedes them (2)–(3).

- (2) *šăžă-m-žă*   *vara-žă*   *veremă*   *šo-eš*   *rokolma*
autumn-ACC-POSS.3SG   then-POSS.3SG   time   reach-NPST.3SG   potato
lăkt-aš   *tăred-ăš*
extract-INF   reap-INF

Then in autumn the time comes to extract, reap potatoes.

- (3) *lašaš-ăžă-m*   *kid*   *dono*   *nüštăl-ăt*
flour-POSS.3SG-ACC   hand   with   stir-NPST.3PL

(They) stir flour manually.

3. Different expressions have different case marking properties (e. g. *tel* ‘winter’, *šăžă* ‘autumn’ and *kăngăž* ‘summer’ are marked with accusative, while *šoșâm* ‘spring’ and *irok* ‘morning’ are used in the unmarked form). In addition, the choice of a case is affected by the presence of dependents. If a temporal expression has dependents, it can also take the genitive marker, which is impossible without dependents:

- (4) *(*tă*) *tel-ăn*   *măn’*   *jasă*   *li-n-ăm*
that winter-GEN I   ill   become-PRET-1SG

That winter I fell ill.

To sum up, Hill Mari has different ways of marking temporal expressions. Some of them show properties of “frozen” adverbials. If there are dependents, there are more case-marking options. I will discuss these data in a more detail and compare them with the data of other Finno-Ugric languages, see (Rozhanskiy, Markus 2018), as well as with the typological findings.

Abbreviations:

ACC – accusative, GEN – genitive, PRET – preterite, NPST – non-past tense, POSS – possessive, ADV – adverbial marker, PTCP.PASS – passive participle, 1, 3 – person, SG – singular, PL – plural

References:

- Ershler D. A, K tipologii nepacijentivnykh znachenij akkuzativa (Towards the typology of non-patient accusative meanings) // *Voprosy jazykoznanija*, № 3, 2009. P. 32–49.
- Haspelmath M. From space to time. – Lincom, 1997.
- Khomchenkova I. Discourse use of the possessive affix 3SG in Hill Mari // 50th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 10–13 September 2017. Book of abstracts. Zurich: University of Zurich, 2017. P. 381–383.
- Pleshak, P. S. Morfosintaksis imennoj gruppy v mokshanskom i gornomarijskom jazykakh (Morphosyntax of NP in Moksha and Hill Mari). BA Thesis. MSU, Moscow, 2017.
- Simonenko A. P., Leontjev A. P. Morfosintaksis imennogo kompleksa v finno-ugorskikh jazykakh: analiz v ramkakh gipotezy minimalizma (Morphosyntax of nominal complex in Finno-Ugric languages: analysis in the minimalist framework) // *Finno-ugorskije jazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formalnyj i funkcionalnyj podkhody* (Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches). Collection of articles. Moscow: Rukopisnyje pamjatniki Drevnej Rusi, 2012. P. 262–339.
- Rozhanskiy F., Markus E. Nominal forms with temporal meaning in minor Finnic languages of Ingria // Talk at the conference SLE 2018 (Tallinn, 29 August–1 September 2018).

Alexandra Pukánszky: Sukupuoliin liittyvä sanankäyttö Suomessa ja Unkarissa

In meiner Forschung befasse ich mich mit der Frage, was für eine Beziehung zwischen dem Wortgebrauch der finnischen bzw. ungarischen Muttersprachler/innen und die (Sprach-) Einstellung der gegebenen Gesellschaften entsteht, die auf die verschiedenen Geschlechter Bezug haben.

Zuerst mache ich den Begriff des biologischen und gesellschaftlichen Geschlechts, bzw. die Geschlechtsrollen und deren Veränderungen im Laufe der Zeit bekannt. Danach stelle ich eine kurze Geschichte der geschlechterbezüglichen Attitüden und Regelungen in Finnland und in Ungarn dar.

Andererseits spreche ich darüber, wie die Geschlechter in einer Sprache – vor allem in der beiden untersuchten Sprachen – vorkommen können. Den zweiten Teil der Forschung bildet eine von mir selbst durchgeführte Fragebogenuntersuchung, in welcher zuerst nach dem geschlechterbezüglichen Wortgebrauch der finnischen bzw. ungarischen Muttersprachler/innen, dann nach der Beurteilung von jenen Benennungen gefragt wurde. Nächstens verglich ich die geschlechterbezüglichen Spracheinstellung, Wortgebrauch, und die Beurteilung der geschlechterbezüglichen Benennungen der fin-

nischen und ungarischen Informanten bzw. Informantinnen.

Marina Romanova: Специфика перевода современной венгерской прозы на удмуртский и русский языки

Исследование направлено на изучение способов перевода и на выявление трудностей, которые могут возникать в процессе перевода венгерской литературы постмодернистского направления на удмуртский и русский языки.

Точность перевода текста не может быть стопроцентной, этому способствует ряд различных факторов – отсутствие лексики в ПЯ, отличие друг от друга культур ИЯ и ПЯ, умения, навыки самого переводчика и многое другое. Во многом художественный переводчик сам решает, какие переводческие трансформации, стилистические приёмы использовать; иными словами, переводчик становится соавтором.

В ходе исследования нами были выявлены наиболее часто встречающиеся виды грамматических переводческих трансформаций. Ввиду сложности конструкций венгерского предложения, наиболее распространенными стали такие приемы перевода, как добавления и опущения, членение предложения, замена глагола на деепричастие или деепричастный оборот, перестановки.

В силу того, что удмуртский и венгерский языки являются родственными языками, синтаксическая структура предложений при переводе с венгерского на удмуртский язык близка к синтаксису оригинала. При переводе с венгерского на русский язык приходится использовать большее количество грамматических трансформаций, что объясняется различиями в грамматической структуре языков, так, русский язык является флективным, а венгерский и удмуртский – агглютинативными языками, что влечет за собой ряд отличий (различный порядок слов в предложении, использование различных падежей и частей речи и др.).

Лексические и стилистические сложности при переводе с венгерского языка на удмуртский язык связаны с отсутствием эквивалента в ПЯ или передачи нюансов значений. При переводе на русский язык указанная проблема так же существует, но она наблюдается в меньшей степени. При переводе на оба языка сложность представляет также передача концептов, связанных с национальной культурой Венгрии. В таком случае необходимо сохранить национальную специфику через транслитерацию, транскрибирование и сноски.

В дальнейшем, на основе данной исследовательской работы рекомендуется углубиться в изучение видов переводческих трансформаций. В то же время мы считаем, что уже на этом этапе наши исследования могут помочь лучше разобраться в тонкостях перевода с венгерского языка на удмуртский и русский

языки и оказать определенную помощь начинающим переводчикам.

Annija Rošāne: Toponüüme “Postimees” pealkirjades: 1918 ja 2018

Kohanimed räägivad meie kuuluvusest ja päritolust, kuid inimesed ei mõtle väga palju selle peale. Massimeedias, sealhulgas ajakirjanduses, kasutatakse toponüüme nii pealkirjades kui ka tekstis. Kohanimed on kajastatud seoses erinevate naabersõnadega ja sõnaühendustes. Käesolevas uurimuses kajastatakse toponüüme Eesti ajalehe “Postimees” pealkirjades 1918. ja 2018. aastal.

Seda teemat on oluline uurida, sest massimeedias kohanimed, eriti pealkirjades, räägivad meile inim-, ajaloolistest ja majanduslikest suhetest, samuti geograafiast ja kultuurist.

Selles uuringus kasutatakse kvalitatiivset uuringut, kogutakse, töödeldakse ja analüüsitakse andmeid, ja need toponüümid on jagatud viieks kontinendiks (Ameerika, Antarktika, Euraasia ja Austraalia), millest igaüks on jagatud neljaks osaks – esimene riikidele, teine linnadele ja asulatele ning kolmas muudele (muutudele) geograafilistele asukohtadele, kuid neljas – teistele kasutatud toponüümidele. Uuritakse, milline on toponüümide kordumise sagedus ja kahe või enama kohanime kombinatsioon ning milliseid verbe kasutatakse kombinatsioonis toponüümidega. Uuringu üheks aluseks kasutatakse Macquarie’ Ülikoolis avaldatud artiklit *Approaches to Research in Toponymy* (2015).

Manuela Ruzicka: Der Umgang mit Eigennamen in den deutschsprachigen Übersetzungen und Bearbeitungen der Kalevala im Vergleich

Die Kalevala ist das meistübersetzte finnischsprachige Werk und das finnische Nationalepos und wurde von Elias Lönnrot (1802–1884) zusammengestellt. Nur ein Teil des Textes wurde von Lönnrot selbst geschrieben. Der Großteil ist authentische, stellenweise hinsichtlich morphologischer und phonologischer Details oder Versmaß bearbeitete finnische Volksdichtung und erzählt vom Leben und den Taten der alten Helden und den Konflikten zwischen den Völkern von Kalevala und Pohjola.

Im deutschen Sprachraum hat die Auseinandersetzung mit der Kalevala eine lange Tradition. Eine erste Übersetzung von zumindest drei Gesängen wurde schon 1838, drei Jahre, nachdem Lönnrots „Alte Kalevala“ erschien, von Karl Erich Soldan angefertigt. Im Laufe der Zeit erschienen neben weiteren Teilübersetzungen sowie Prosaversionen sieben vollständige deutschsprachige Übersetzungen und Bearbeitungen der Kalevala.

Die Kalevala war bereits Gegenstand vieler wissenschaftlicher Arbeiten. Ein Aspekt wurde jedoch bisher unzureichend untersucht: die mehr als 180 Eigennamen und der Umgang der Übersetzer mit ebendiesen, obwohl die Übersetzung von Eigennamen in der vorhandenen Literatur als einer der Problembereiche bei der Übersetzungsarbeit bezeichnet wird.

Die Eigennamen, die sich in der Kalevala finden, sind voll von kulturellen Bezügen, Konnotationen und erweiterten Bedeutungen. Das Wissen um diese Dinge stellt ein zentrales Element bei der Übersetzungsarbeit dar. Ein Mangel an besagtem Wissen resultiert in einem inkorrekten Translat.

Die analytische Betrachtung der in der finnischsprachigen Kalevala vorkommenden Eigennamen und ihres deutschsprachigen Translats beziehungsweise die Gegenüberstellung und der Vergleich von Original und Übersetzung ist daher Gegenstand meiner sich in Arbeit befindlichen Dissertation. Die daraus gewonnenen Erkenntnisse sollen die Feststellung von Gesetzmäßigkeiten und Regelmäßigkeiten in Bezug auf die Übersetzung von Eigennamen aus der Kalevala in andere Sprachen ermöglichen.

Als Grundlage meiner Arbeit dient mir dabei der Ansatz von E. E. Davies, die für Eigennamen sieben Übersetzungsstrategien nennt.

In meinem Vortrag werde ich mich mit dem Begriff des Eigennamens beschäftigen. Ich werde Beispiele dafür bringen, wieviel hinter den in der Kalevala vorkommenden Eigennamen steckt und vergleichen, wie eine Reihe von Eigennamen ins Deutsche übersetzt wurden.

Andrej Števkó: Johtavat genret saamelaiskirjallisuudessa 1900-luvulla

Saamelaiskirjallisuus on aika nuori ilmiö, jos sitä verrataan muiden euroopalaisten kirjallisuuksien kanssa. Sen oma kehitys on alkanut vasta 1900-luvulla kun saamelaisten taistelu oman kansan puolesta on saavuttanut sen huipun. Kaiken alku ulottuu 1910-luvulle kun saamelaiskirjailija Johan Turi kirjoitti hänen *Muitalus sámiid birra* (Kertomuksia saamelaisista). Vaikka sen tyyli on jolekulle omituinen ja on aiheuttanutkin vähän ristiriitaisten näkökulmien synnyn, kirja itse esittää ensimmäistä kertaa saamelaisia kuin demytologisoinnun kansan, jolla on oma elämäntapa, mutta toisaalta ne ovat hyvin tavallisia ihmisiä. Turin teos on alkanut suuren saamelaiskirjallisuuden nousun. Aina enemmän kirjailijoita ryhtyivät kirjoittamaan saameksi ja tunnustaa itseä kuin saamelaisyhteisön jäseniä. Tilanne ei ollut kuitenkin helppo, ennen kaikkea kun astuivat voimaan erilaiset määrät, jotka tekivät saamelaiskansan kehityksen yhä vaikeampi niin virallisesti kuin kulttuurisestikin. Johtava laji oli alussa lyriikka eli runous, jonka avulla kirjailijat saivat ilmaista omia ajatuksia ja tunteita. Peruksena on tietenkin tullut joik. Sen voidaan jollakin tavalla pitää saamelaiskulttuurin peruskivinä. Proosan paik-

ka oli samassa historiallisessa ajassa hyvin toinen, mutta luvun toisessa puolivälissä sitäkin kehitettiin huomattavasti. Hyvin kiinnostavaksi tulee monille tutkijoille naisten kirjallisuuden tärkeä rooli saamelaiskirjallisuudessa. Ne voidaan jopa pitää saamelais-ten arvojen perusesittäjinä. Sen lisäksi naisten läsnäolo ja rooli saamelaiskirjallisuudessa on helpottanut suuren muutoksen sen aiheissa, joissa aina enemmän ajateltiin henkilökohtaisista asioista, kun aikaisemmin pääteemana on tullut useimmiten kansan ja kulttuurin puolustaminen. Lopuksi meidän täytyy kiinnittää huomionkin teatterille ja draamalle yleisesti, koska sekin on viime aikoina ottanut tärkeän paikan saamelaiskirjallisuudessa ja kulttuurissa. Tämä esitys kertoo sitä, mitkä genret ja miksi juuri ne ovat olleet johtavia eri ajoissa 1900-luvulla.

Viktorii Shvachko: Phraseological units with animalistic components in Hungarian and their equivalents in other languages

In this article I would like to present some Hungarian proverbs with animalistic component and compare them with equivalents in different languages, as well as to describe etymology of some of them.

It is the conventional wisdom, that language reflects life, since with the help of words we create specific and unique linguistic picture of the world. Not only the words, but also some other units, larger than them, such as sayings and proverbs, also characterize a language-speaking community. Animalistic phraseology is used in everyday language quite often and usually with purpose to explain some features of character, describe someone's look or to comment on some situation. It is a huge layer of phraseological units in any language and in this case Hungarian is not an exception.

In Hungarian phraseological units we can see some domestic animals, such as cat, dog, horse, some wild animals, as well as those animals, which don't even live in Europe or in Hungary in particular. There are a lot of dogs on the streets of Budapest, but there were no elephants seen wandering along the Alföld or any dolphins swimming in the "Hungarian sea" Balaton, but they are used in some proverbs. Proverbs and sayings not always can be translated from one language to another.

Some phraseologisms might even exist in the same form in a number of languages, without us even knowing about it, while in some other cases proverbs and sayings also might change their form, but their meaning remains the same. There are some sayings, proverbs that were created by analogy with the language they were taken from, perhaps some of them were just a loan translation of the original ones. It is clear that loan translation is in many cases ineffective, but it cannot be eliminated. For example, the phrase "Don't look a gift horse in the mouth" has the same form in many languages and everyone understands its meaning. Some proverbs and sayings have

minor differences, which do not affect their understanding.

Let's look at the first example:

- (1) a. Hungarian: Elefánt a porcelánboltban.
- b. Ukrainian: Наче слон у порцеляновій крамниці.
- c. Russian: Как слон в посудной лавке.
- d. English: A bull in a china-shop.

As we see in both Ukrainian and Hungarian variant the main character is the elephant, who got into china shop, while in Russia he would have gotten into tableware shop. Meanwhile, an Englishman in this case would speak about the bull.

Elephant does not use as often in Hungarian proverbs, as for example a horse. Among other animals a horse plays an important role for Hungarians, particularly in the past, when a horse was a companion to a man, helped in his daily work. Such relationship between a horse and a man is illustrated by the fact that in Hungarian language we can find a lot of words which are related to horses and horse-keeping. So, *csapjunk a lovak közél!* That is to say let's cut to the chase!

- (2) a. Hungarian: A lónak négy lába van, mégis (meg)botlik.
- b. English: The horse has four legs, still he stumbles.
- c. Russian: Конь о четырех ногах и тот спотыкается.
- d. Ukrainian: Кінь з чотирма ногами та спотикається, а чоловік тільки дві має.

Not only domestic animals play important role to Hungarians, but some mythological ones too. Every nation folklore and mythology has its own totem animals, for Hungarians turul is one of them. There is no exact answer whether it is a falcon or an eagle, it depends on what we mostly believe in. According to some interpretation of myths it is considered to be an eagle, meanwhile there is a linguistic evidence, that it was a falcon.

There are also a plenty of phraseologisms in which eagle is mentioned. An eagle is always associated with strength and power, Hungarians even refer him as a madarak királya – the king of birds. As we can see in the examples not only the Hungarians see this bird in that way. A Latin proverb exists in different languages and has a following translation.

- (3) a. Hungarian: A sas nem kapkod legyek után / A sas nem legyekre vadászik.
b. English: The eagle doesn't capture flies.
c. Ukrainian: Орел не полює на мух.
d. Russian: Орел не ловит мух.

Since language is constantly adapting and changing to reflect our changing lives, new proverbs and sayings are being created. There are some specific and unique ones, as well as those which are common in different languages.

Sergei Sidorov: Виртуальной экспедициез кылдытонъя тодон-быгатонлык

Туала арын «информационной технологиос» зол герзаськемын адямилэн улонэныз. «Виртуальной» кыл кутйське лулчеберетын, наукаын, тодон-басьтонын но уксье ужын. Виртуальной экспедициез возматыны луэ объёмной трос ёзнэто интыез улонын сямен адзытонэн. Солэн мугорыз бичаське сферической панорамаосын, кудьёсыз герзаськемын ог-огенызы ссылкаосын. Солы луыса адямиос быгато одйг интыгысь мукетэ азе потыны куара, текст но графической информацииез учкыса. Таёе проектёс ас бордазы огазеяло интерактивной ёзнетёсты: информацииен потась укноос, валэктйсь гождямёс, кивалтйсь зыбылонёс но мукетёссэ.

Виртуальной экспедиция бордаз люка архивёсысь, книгавозёнтьёсысь но калыке потаса бичам материалёсыз. Виртуальной Экспедиция лэсьтйське кылыкысь бичам фольклорно-этнографической, кырзан но лингвистической материалёс вылын, кудйз мургес адзытэ этнической лулчеберетлэсь аспартэмлыксэ.

Солэн валтйсь мугез луэ сыёе быгатонлык, ку котькыёе адями быгатэ ачиз учкыны но бичаны материалёс вотэс пыр, соосыз будэтъяны. Таёе уж тужгес но тунсыко кулэ луыны этнологёслы, этнографёслы, эскерчиослы, кудьёсыз тросгес калыке экспедицие потаса ужало.

Виртуальной экспедиция юрттэ утыны экспедицие потам ужёсыз, быгатоз тодматыны вотэс пыр калыкёслэн традиционной лулчеберетэнызы, кудйз азыланьтоз таёе технологиосыз научной ужын, образовательной программаосын но интерактивной музейёсын.

Anastasiia Sidorova: Удмурт лулчеберетэз утен Эстониысь «Юмшан гур» огазеяськонлэн пример вылаз

Эстониын уло ог 300 пала удмуртъяс. Вуэмын соос татчы пöртэм интыосысь, портэм сямен. Куд-огез СССР вакытэ ик выжы лэземын. Берло 20 аръяс ёже лыктэмъяс пöлысь тросэз эстон вузъясы дышетскыны пыремын.

«Юмшан гур» фольклорный ансамблез 1996 арын кылдытисы удмуртъяс кудъясыз уло но дышетско Тартуын. Нош 2014 арын «Юмшан гур» официально удмурт огазеяськон луиз.

Ансамбльлэн составез весь вошъяське, малы ке шуоно татын полаз вань огазеяськон кылдэм дырисен ветлисьес но студентъяс но. Студентъяс тросэз дышетсконзэс йылпумъяса вордскем шаеръясазы берытско, жальяса верано «Юмшан гурысь» кошко. Вань сычеосыз но, кинлы ке палэнын улон сокем кельше, соос улонзэс пыраклы герзало кунгож съöрен.

«Юмшан гур» обществолэн осысыз усъямын котькуд адямины, кудиз тунсыкъяське удмурт кылын, удмурт калыкен, удмурт лулчеберетэн. Ансамбыле ветлизы ни портэм калыкъяс: пор, поляк, финн но мукет.

Нимаз верам потэ общество ветлись нылпиос сярысь. Соос татын ожыт овол. Туж кельше анай-атайеслэн нылпиоссэс дышетэмзы удмурт выжыоссэс гажаны но яратыны. Кунгож сьöрын улыса но соос верасько анай кылын кылын, экто но кырзало бадзымъяс полын сцена вылын. Таче сям медаз бырысал, со кужым но мылкыд сетэ азыланяз ужаны, оскон кылдытэ «Юмшан гур» уз быры шуыса.

Daria Silina: Восприятие интонационных контуров английских предложений студентами-удмуртами (к проблеме просодической интерференции)

The perception of English language intonation contours by Udmurt students (to the problem of prosodic interference).

Yulia Speshilova: В чем моя суперсила? – Моя дочь говорит на удмуртском!

В данном докладе я описываю использование языков в коммуникации своей дочери, подробно углубившись в сферу их использования. На данный момент Бианка активно использует 2 языка: венгерский – язык общения с отцом и средой проживания, удмуртский – язык общения с матерью. Пассивным исполь-

зованием третьего языка является использование русского. В рамках доклада я отвечу на вопрос о том, как научить ребенка говорить на удмуртском. Также будет затрагиваться тема смешения языков, развитие словарного запаса и его активное использование. Отдельным пунктом доклада будет внедрение русского языка в речь ребенка. В рамках доклада будет опровергнут миф о том, что если научить ребенка сначала удмуртскому языку, то впоследствии он не научится русскому.

Silja-Maija Spets: Иртно вӑхӑтсенӗн эвиденциальности мари тата чӑваш чӑлхисенче

Мари чӑлхисенче те, чӑваш чӑлхинче те вӑхӑт системи илпек, иртно вӑхӑт нумай. Чӑлхисем ҫинчен ахаль ҫырӑнӑ панисенче иртно вӑхӑт формисене час-часах икӗ ушкӑна эвиденциальность тӑрӑх пайлаҫҫӗ (сӑмахран Алхониэми 1985, Ашмарин 1923). Ку предложенин информации ҫӑлкуҫне, урӑхла каласан такаман хӑи ҫанавӗ тӑрӑххи е тӗррӗмӗн мар ҫӑлкуҫсенчен каласа паракан пӗлӗве пӗлтерет. Капла пайлав ҫапах вӑхӑтсенӗн нумай пӗлтерӗшлӗх пирки ҫителӗксӗр. Эвиденциальностьсӑр пуҫне тата формисенӗн вӑхӑт, аспект, гносеологи тата культура пӗлтерӗшӗ нумай пур (сӑмахран Ашмарин 1923; Пенгитов та урӑхсем 1961). Мари чӑлхисенче те, чӑваш чӑлхире те апла лару-тӑрусем те курӑнаҫҫӗ, кӑҫта тӗррӗмӗн мар ҫӑлкуҫӑн форми тӗрӗ ҫанавӑн контекстинче тухать тата хирӗҫле. Капла усӑ курма эвиденциальность шухӑшне килӗшмест. Икӗ чӑлхи вӑхӑт формисем ҫинчен те комплекслӑ тӗпчев тунӑ ман.

Тӗрӗссипе ҫыракан тӗпчевӗмӗн икӗ усӑ мар ыйтӑва хуравласчӗ. Пӗрремӗшӗнчен тӗрлӗ вӑхӑтсен ӗҫлев пайланӑвне информации ҫӑлкуҫӗн шухӑшпа анализлатӑп, иккӗмӗшӗнчен манӑн эвиденциаллӑ пӗлтерӗшӗн контекстисене урӑх функцисенӗн контекстисенчен уйӑрасчӗ. Ку презентацира эпӗ теориллӗ пӑхса тухни сӑмахран Ларс Йохансонӑн (2000, 2018) тата Владимир Плуниганӑн (2011) тӗпчевӗсем кӑтартса паратӑп, та вӗсенӗн пултарулаӑхне мари тата чӑваш чӑлхисенӗн иртно вӑхӑтсенӗн халиччен усӑ мар усӑ курми шухӑшлатӑп.

Мари чӑлхин вӑхӑт парадигмин эвиденциаллӑ аталанӑвӗнче чӑваш чӑлхин вайлӑ витӗмӗ пулӑн (Беречки 2002: 88). Ку пула танлаштарулла тӗрӗк чӑлхе пӗлӗвӗн шухӑшпа мари чӑлхипе усӑ курма усӑллӑ. Пулакан ӗҫӗм ҫапах синхронизирлӑ, икӗ чӑлхене те тан танлаштаратӑп.

Ezhevika Spirkina: Musical Code of the Wedding of the Erzya (Exemplified by the Village of Stariye Turdaki)

The musical code of the Erzya wedding is differentiated and consists of two subcodes: the subcode of wailing and the subcode of singing.

The former includes numerous laments. The latter in Stariye Turdaki consists of two dominant polytext tunes, carols and a lullaby. The first tune is used to present poetical accusations (*parjavtnemat*) in the houses of both the bride and the groom, and to eulogize the members of wedding train. The second tune is used to assist and comment on the order of wedding actions: giving thanks, ransom, parental commandments, and to characterize the wedding characters, including the bride. Both tunes could be performed by the members of the groom's as well as the bride's team. These tunes belong to the class of caesura forms, and they coordinate with syllabic verses 5(4,6)+3. The latter tune has the verses widened by the use of vocalisations and repetitions of some syllables.

A necessary component of the Erzya wedding ritual is the wailing of the bride, defined by the bride's locus. The form of bride's wailing recorded in Stariye Turdaki represents the caesura tune, variable and changeable in its rhythm. It includes four octotemporal constructions, as well as some other compositions with changing time.

The wedding lamentations show strong connection with the lullaby. Wedding lamentations (in our case they are the ritual language of the bride) mark the transition in a person's life, while lullabies mark life's beginning. The lullaby highlights the meaning of wedding as initiation, and the one that prophesies procreation. The lyrics of the lullaby that we recorded, have verses (stanzas) making a tirade, with a variable number of verses in a tirade and syllables in a verse.

Wedding rituals of agricultural peoples were influenced by calendar rites. The use of carols in the wedding we recorded seems to illustrate just that. The lyrics of these carols list some requirements, and failure to comply with them poses a threat to the bride. The carols consist of distichs or couplets made of two lines (verses) each, and the base poetic rhythm is 4(3)+3.

Musical codes structure the wedding rites and help define the type of Erzya weddings (wedding as fun or wedding as funeral). Our analysis shows that Stariye Turdaki wedding belongs to the latter type, with songs of wailing and laments. It equally represents the communicative-exchange line (connected with the rites of communication of two families/their equal participation, parallelism of ritual actions in the loci of both the groom and the bride), as well as the initiation line with the bride as the center of it, going through three stages of her *rites de passage*, and the connected numerous laments.

Dominika Strížková: Diminutives in Finnish

Diminutives can express something smaller than usual (i.e. quantitative modification) or speaker's attitude and feelings (often positive) towards an object or a person (i.e. qualitative modification). In flecational and agglutinant languages, diminutives are mostly made by adding a diminutive suffix to the stem of a base word. Finnish language has plenty of suffixes that linguists say to be diminutive. It seems however that their use is not that common as in Slavic languages, for example.

In theory, you can make diminutive forms in Finnish by using following suffixes: *-(i)nen* (*lintu* 'bird' > *lintunen*), *-ke* (*lahti* 'bay' > *lahdeke*), *-kkA* (*lehti* 'leaf' > *lehdykkä*), *-kAinen* (*lapsi* 'child' > *lapsukainen*), *-(i)kkO* (*metsä* 'forest' > *metsikkö*), *-O* (*jänis* 'hare' > *jänö*), *-U* (*kissa* 'cat' > *kisu*) and *-Ut* (*marja* 'berry' > *marjut*). In practice, modern Finnish uses only few of them. Their use is also problematic for several reasons.

Firstly, they can have other functions than just making diminutives. For example, the suffix *-ke* is often used to create words expressing similarity with their base word: *polvi* "knee" > *polveke* 'bend, curve'. Secondly, some of the originally diminutive words have become lexicalized in a new meaning. For example, *lautta* 'board' derived by the suffix *-nen* has become a new lexical element in the Finnish vocabulary: *lautanen* means 'plate' in today's Finnish. Some words are lexicalized only partially which means that the derived form can be used in its new meaning but in certain contexts still has the diminutive function. As an example, I can mention word *poika* 'boy' and its derivative *poikainen*. It can be used as a diminutive meaning 'little boy' but also in a slightly different meaning 'calf' or 'cub' (i.e. an animal's offspring).

Thus, it might be difficult to define and decide what is diminutive and what is not. The border between diminutive and non-diminutive is not always obvious and it depends to a high measure on the context and the speaker's or writer's intention.

Bogáta Timár: „Ha nagy leszek, sámán leszek!” – Hogyan meséljünk finnugrisztikáról gyerekeknek?

2018 szeptemberében indult útjára a „rendhagyó magyaróra” projekt, melynek keretében az ELTE Finnugor Tanszékének doktoranduszai és fiatal oktatói általános- és középiskolákba ellátogatva tartotnak foglalkozásokat a nyelvrokonsággal, illetve a finnugor népekkel kapcsolatban. A projekt népszerűsége minden képzeletet felülmúlt, és szeptember vége óta több mint 140 iskolába kaptunk meghívást. Ezek több mint felét már teljesítettük.

Miből áll egy rendhagyó magyaróra? Hogyan beszéljünk kisiskolásoknak olyan elvont témáról, mint a nyelvek rokonsága? Hogyan keltsük fel a 18 éves fiatalok érdeklődését az udmurtok iránt? Már az előkészületi szakaszban egyértelmű volt, hogy nemcsak a projekt neve, hanem az alkalmazott módszereink is rendhagyóak lesznek.

Tudatosan döntöttünk úgy, hogy az érvekkel alátámasztott magyarázat mellett hangsúlyos, sőt domináns szerepet kap a szemléltetés (Hallgassátok, mennyire hasonlítanak a magyar és manysi számok! Nézzétek, így néz ki az udmurt népviselet!), a mesélés (És akkor megpróbáltuk minket férjhez adni. . .) és az érzelmi stimulus (Minden, amit mutatunk, eltűnőben van). Színekkel és animációkkal mutatjuk be a nyelvi változást, a finnugor népek életének bemutatásához pedig segítségül hívjuk a Youtube-ot, az Instagramot és a Vkontaktét is. Elmaradhatatlan eleme minden iskolai látogatásnak a népviselet, ékszerek, könyvek és egyéb szuvenírek, és bátorítjuk a gyerekeket, hogy nyugodtan vegyék őket kezükbe, esetleg fotózkodjanak bennük. Az eddigi visszajelzések túlnyomó többségükben rendkívül pozitívak voltak.

Az eddigi több mint 80 alkalom természetesen számunkra is egy tanulási folyamat volt. Előadásomban bemutatom az bevált és kevésbé bevált módszereket, várt és nem várt nehézségeket, és persze azt, hogy milyen eredményeit látjuk jelenleg ennek a nagyszabású vállalkozásnak.

Marili Tomingas: Demonstratiivid ja personaalpronoomenid liivi keeles

Ettekanne tutvustab liivi keele mitmekesist demonstratiivsõnade süsteemi, kus leidub sõnu kolmest ajaloolisest läänemeresoome demonstratiivtüvest *tämä, *se ja *tuo (Larjavaara 1986: 75), mille tähendustes esineb sageli ka kauguserinevusi. Demonstratiivseid sõnu ja nende varieeruvust käsitletakse ettekandes alaliikide kaupa: demonstratiivsed pronoomenid (nt liivi *se* 'see'), demonstratiivsed proadjektiivid (nt liivi *sellitūoli* 'niisugune-naasugune') ja demonstratiivsed proadverbid (nt liivi *täsä* 'siin'). Demonstratiivide praktilise kasutuse ja funktsioonide kohta esitatakse ka näitelauseid, mis on pärit Valts Ernštreitsi ja Tiit-Rein Viitso "Liivi-eesti-läti keele sõnaraamatus" (2012) ja Tartu Ülikooli murrete ja sugulaskeelte arhiivi (TÜ EMSA) salvestiste tekstidest, kus kõnelevad viimased liivi keelt emakeelena rääkivad keelejuhid.

Et ajalooliselt kuulub liivi demonstratiivpronoomenite hulka ka tänapäevane kolmanda isiku personaalpronoomen *tämä* ('tema'), tutvustatakse ettekandes lühidalt ka liivi personaalpronoomeneid ning vaadeldakse ka juhtusid, kus kolmandale isikule viidatakse personaalpronoomeni *tämä* asemel demonstratiivpronoomeniga *se*.

Allikad:

Larjavaara, Matti (1986) Itämerensuomen demonstratiivit. Karjala, aunus, lyydi ja vepsä. Mikkeli: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Viitso, Tiit-Rein and Valts Ernštreits (2012) Līvõkīel-ēstikīel-leṭkīel sōnārōntōz. Liivi-eesti-lāti sōnaraamat. Libiešu-igauņu-latviešu vārdnīca. Tartu ja Riia: Tartu Ülikool ja Läti keele agentuur.

Elena Vedernikova: The collective identity of the Mari

The investigation of the collective identity of Mari people in the Mari El Republic (the Russian Federation), based on the Sign Theory of Identity (Ehala 2007; 2015) focusing on the phenomenon of the collective identity as a social sign. It was concluded that modern Maris have ethnic Mari and ethnic Russian national identities. The emergence of the Russian ethnic national identity is caused by a strengthening of a civic national identity due to the Russian language changing from a signal value to a core value. Absence of a clear distinction between these two identities, and a strong emotional attachment to the Russian language facilitate the process. A decrease in the use of the Mari language has an erosive effect on Mari ethnic identity.

Viktorii Verzunova: Stating the problem of the reception of concrete poetry in Finland

Concrete poetry appeared in Brazil, Switzerland and Sweden independently in the beginning of 1950s. Among of all avant-garde movements this is the most impressive in terms of its geographical range. By the time of the establishment of concrete movement avant-garde in Finland was in its infancy. The only Finnish author published in international anthologies was Kurt Sanmark. However, the constellation method together with the urge to free the word from the contents of everyday speech have gained appreciation by the young Finnish innovative authors such as Väinö Kirstinä and Kari Aronpuro. The aim of this work is to trace and estimate these influences in the Finnish literary avant-garde.

Konkreettinen runous syntyi Brasiliassa, Sveitsissä ja Ruotsissa 1950-luvun alussa. Se on maantieteellisesti laajin avant-garde kirjallisuussauntaus. Sen rantautuessa maailmaan konkreettinen runous Suomessa oli vasta muodostamassa. Ainoa kansainvälisissä konkreettisen runouden antologioissa esiintyvä suomalainen on Kurt Sanmark. Silti Suomen nuoret kirjailijat, esim. Väinö Kirstinä ja Kari Aronpuro, vastaanottavat tähtikuvio-menetelmän ja pyrkimyksen vapauttaa sanan sen ärkpäiväisistä konteksteista. Tässä esitelmässä näitä kansainvälisiä vaikutteita Suomen avant-garde kirjallisuuteen tarkastellaan ja arvioidaan.

К вопросу рецепция конкретной поэзии в Финляндии Конкретная поэзия возникла независимо в трех странах: в Бразилии, Швейцарии и Швеции в первой половине 1950-х годов. Из всех авангардистских течений XX века «конкретизм» отмечен наиболее широким географическим охватом. К моменту зарож-

дения движения авангард в Финляндии еще находился на стадии своего формирования. Единственным финляндцем представленным в международных антологиях конкретной поэзии (Германия, США) был К. Санмарк. Тем не менее, техника координационного стихосложения и стремления освободить слово от контекстов присущих повседневному языку нашли свой отклик в изысканиях молодых финских авторов. Влияние «конкретизма» можно проследить в творчестве таких радикальных и самобытных писателей, как В. Кристина и К. Аронпуро. Доклад будет посвящен анализу этих влияний, а также оценке роли конкретной поэзии в становлении финского литературного авангарда.

Iida Virtanen: Netti suomalais-ukrilaiste kiälte opiskelija apun

Netti o fiini värktyyri kiälteoppijal. Ain ei o mahrollist treffit niit jotka puhuu kohrekiält äirinkiälennää tai men kiälukurssil, mut onneks tänäpä o vaik mitä nettisivuu ja sovellust ja, joire avul kaikke maailma kielii voi tuteerat mis ja millo vaa. Ja sit ko oppimateriaalit ja kaikki o netis ja älypuhelimis, ni ei tartte röykyttää isoi pumaskoi joka paikkaa jos ei tahro.

Fennoukristie ja muire sukrimiälite kohral tilanne o kyl sit vähä erilaine ko semmoste maailmakiälte ko vaik venäjä opiskelijoil. Ei o ain helppoo kohnat piänempie tai muute fiksumpie (= erikoisempie) kiälte oppimateriaalie peräs, saati sit plokot niist ne jotka ei o aiva filunkkei. Eikä niit sit kyl nii pal ookkaa ko vaiks sil venäjäl.

Suame, unkari ja viro opiskelijoil menee tiätty ina paremmi, jos siis valikoima kokoo miättii. Iha hyvä sivu o esimerkiks Lang-8, jos voi skriivat mitä vaa haluamallaa kiällel ja natiivit kattoo kaikki trykfeelit veke. Sit o kans semmone ko Interpals, jos voi flatrat natiivie kaa. Vähä samallaine o Amikumu-sovellus, siäl voi förstät kompat piänempienki sukrikiälte puhujii, vaik viäl niit ei siälkää paljoo kyl o. Unkarii voi opiskel myäs suasitul Duolingo-sovelluksel, mut niil o kyl iha frahtaneit fraasei.

Vähemmistökiälte opiskelijat löytää toises ja kohrekiäliset helppoite mar sosiaalisist merioist. Venäjä suomalais-ukrilaiset vähemmistöt löytää vKontakttest ja Instagramist. VKontakttes o erilaisii vähemmistökiälilii käsittelevii ryhmii, jois voi vaik keskustel, oppii sanoj ja kattoo vireoi. Ja sit moni jakaa siäl erilaisii oppimateriaalei ja.

Sit jos piremmit teksteist killaa, voi netis lukee vaik plokai ja aviisei vaik mil kiälil, vaik utmurtiks tai mansiks. Radioitaki voi kuulustel. Iha fiinei sanakirjoi löytyy ja, et ei tartte minkää kuukle ööversettare varas men. Ehto oppikirjoi löytyy ja, mut emmää niire hemttaamise laillisuurest sit tiä.

Ei mittää, mu företraakis me syynätää sit enemmänä näit ja muit tapoi tuteerat kiälilii neti helpil.

Раиса Волкова: Туала удмурт пелляськон сям-йылол- тёслэн аспөртэмлыксы

Удмуртгёслэсь пелляськонэн-тунаськонэн герзаськем сям-йылолтёссэс люкан но эскерон кутскиз ини XIX-тй даурлэн пумаз но XX-тй даурлэн кутсконаз (Г. Верещагин, Н. Первухин, П. Богаевский, Б. Мункачи но мукетгёсыз), озьы ке но, XX-тй даурлэн шорвадесгёсаз тодосчиослэн ужгёсазы та вашкала жанрен тунсыкъяськон палэнэгес кылиз. Нош XX-тй даур пумысен кутскыса, пелляськон-тунатсконэн герзаськем сям-йылолтёс удмурт гуманитарной наукаын выльысен бадзым инты басьтыны кутскизы но котыр ласянь сое эскерыны тыршизы (Т. Г. Владыкина, В. Е. Владыкин, Т. Г. Миннихметова, Г. А. Никитина, Н. И. Шутова, Т. И. Панина но мукетгёсыз).

Ужмылэн валтйсь мугез луэ пелляськон сям-йылоллэн туала вакытэ улэмез. Темамез сэрттон-пертчонын юрттэт луизы 2017–2018-тй арёсы уйпал удмуртгёслэсь Балезино ёросысь Чирогуртысь люкам пелляськон кылгёс.

Бичам материалгёсмес эскерыса, куд-ог малпангёсмес вераны луоно.

1. Туннэ нуналозь но умой возисько на пелляськонэн-тунаськонэн герзаськем сям-йылолтёслэн валтйсь тодметсы, куинь люкетгёслэн ог-огенызы юн герзаськемзы: адыми (тунась-пеллясь) – кыл (тункыл) – ужрад карон (действие).
2. Туала вакытэ но, вашкала дыръя кадъ ик, бадзым саклык висъяське пеллян-тунан дырлы (шунды пуксён дыр) но интылы (куинь сюрес вож).
3. Пелляськон-тунаськонлэн эмыз-юмыз мед луоз шуыса, ачиз эмгяськись но куронгёсты быдэстыны кулэ. Кылсярысь, куинь сюрес вожысь берез учкытэк кошконо; доре бертыны тыршоно, пумитэ нокин медаз сюры шуыса; пумитэ шедем муртлы вазылытэк азылань вамыштоно;
4. Вашкала сямен ик, али дыре но, пеллян кыллэн кужыме медаз ышы шуыса, тунась-пеллясь тодон-валангёссэ кельтэ аслэстыз егитгес нылкышнолы (гёмысь со луэ нылыз). Вераны кулэ, туэ вакытэ тункыл гём дыръя сётйське гожтэтэн. Сыче дыръя басьтйсь мурт одно ик кулэ ас кыныз гожтэтэз кутыны нокин адзонтэм дыръя. Тункылэз дышетэм бере, гожтэтэз кулэ сутыны.

Naoki Watanabe / 渡辺 尚輝: Personal phrasebook in 14 languages

(English): Ever since I started learning Uralic languages as a child, I have always been frustrated by the paucity of resources for them, as well as for other languages I'm interested in. As a result, I have decided to create my own resources over the years. My presentation will mainly focus on my most ambitious personal project in the context of making materials for languages I'm interested in: a 14 language phrasebook (including four Uralic languages).

(Magyar): Amióta elkezdtem az uráli nyelveket tanulni gyerekként, mindig is frusztrált az anyag csekélyisége, valamint azon nyelveké is amik érdekeltek. Ennek az eredménye az lett, hogy az évek során a saját anyagjaimat hoztam létre. A prezentációm főleg a legambiciózusabb személyes projektemre fog koncentrálni az általam érdekelt nyelvek tanulási anyagjának kontextusában: egy 14 nyelvű szólásgyűjtemény (közülük 4 uráli nyelv).

(Эрзянь кель): Эйкакшпингестэ саезь мон ушодынь тонавтнеме уралонь кельтнень ды монь свал абунгавтымим се, мекс сынст туртов явить аламо мель. Ансяк тень лангс апак вано, мон арсинь эсень тонавтомс неть кельтнень. Монь невте-мась корты карми невтезь важодевксон неть кельтнень коряс, конатне монень вечкевить: 14 кельтнень кортамолезкс (конатнень ютксо уралонь 4 кельть).

Екатерина Ясонова: Удмурт, пор но коми калыклэсь мадиськонъёссэ эскерыса ёшатон

Вашкала дырысен мадиськонъёс гердзаськемын калык йылолтёсын но абызлыкен (магиен). Мадиськонъёслэн кылдэмазы нимысьтыз инты басьтэ пöртэм калыкъёслэн эрико инкуазьлэн но пöйшуръёслэн юриськемзылэсь кышкамзы. Соин ик нималлязы соосты пöртэм котыръяса веранъёс пыр.

Нош дыр ортчыса, адымилэн инкуазьлэсь кышкамез ичиомиз. Вуж, вашкала условной кылверан кулэтэм луэ, озьы ке но со чиптэм-чаптем уг ышы, выль значение басьтыны кутске. Та дырэ валтйсь интые потэмын мадиськонъёс пыр егитъёслы визь-кенеш сётон. Со сярись ик вера та нимкыл но.

Удмуртъёс сое нимало «мадиськон», комиос – «нöджыв», нош поръёс – «тушто». Та кылъёслэсь пуштрöссэс эскерыса, лэсьтэмын вал таёе йылпумъян: «мадиськыны» озьыен – мукет адымилы ёектон: малпаськыса валатскыны, кыёе инкуазь яке улон котырысь арбериос сярись малпамын та котыръяса веран.

Озиен, мадиськон возматэ калыклэсь лул-пушсэ, солэсь лулчеберетсэ. Пор, коми, но удмурт кылъёслэн огкадэсь укшатонъёссы (метафораоссы), ёшатонъёссы, лулгерзет кылдотонъя амалъёссы, лулчеберетэз азинтонзы. Этнолингви-

стика пыр чаклано ке, валано: та калыкѣслэн кылверанъя дунне сурэдзы огвыл-лем.

Нош та калыкѣслэн артэ улэмзы туж трос юрттэ ог-огзылэсь асэстыны валанзэс, тодонлыкэс, йылолѣссэс. Ваньмыз со адзиське мадиськонѣс пыр но. Кылсярысь, пор калыклэн вань удмуртѣс сярысь мадиськонзы. Та калыкѣс џемысь пумиськылйзы нюлескын пöйшуракузы, но ог-огзылы юрттылйзы секыт учырѣсы (*Удмурт кулэ, нош пуртэз кыле (кызьпу)*). Нош удмурт калыклэн вань туж кезыт куазь сярысь мадиськонэз, кытын со пусъе: «Корка котырын порпи ыбылйське».

Йылпумъяса вераны кулэ на со сэрысь но: котькуд калыклэн аслаз улон шоры учконэз, сое шöдонлыкез. Со анай йöлын пиналлы пыџамын. Сьöрлось лыктэм муртлы туж секыт валаны мукет калыкез. Соин ик одйг калыклэн мукет калыклы мадиськонѣсыз валантэмесьгес пото. Їемысь соос ог-огзылэн котырьяса веранѣссылы шонер валэктон сётыны уг быгато.

Dmitrii Zelenskii: Suppletion in Finnish locational cases

Standard Finnish (< Finnic < Finno-Volgaic < Finno-Permic < Finno-Ugric < Uralic) shows suppletion in its case system, particularly in the locational subparadigm (“translative” and related to it *s*-lative excluded). Its cases are combined with IN, AD, or neither localization.

	no localization	IN (<i>s</i> < underlying <i>z</i>)	AD (<i>l</i>)
Essive	- <i>nA</i>	- <i>s-sA</i>	- <i>l-lA</i>
Lative	- <i>nne</i> ^x (only for pronouns)	-(<i>h</i>) <i>Vn</i> / <i>-seen</i> (SG)/ <i>-siin</i> (PL)	- <i>l-le</i> ^x
Erelative	- <i>A</i> / <i>-tA</i> (also used as partitive)	- <i>s-tA</i>	- <i>l-tA</i>

Table 1. Locational case subparadigm

Distribution of *-A* and *-tA* can be explained phonologically by the single underlying form *-dA* (Zelenskii, 2018), and *-s-sA*, *-l-lA*, and *-l-le*^x instead of **-s-nA*, **-l-nA*, and **-l-nne*^x are also due to simple assimilation process (ibid.). Whereas *-hVn*, *-Vn*, *-seen*, and *-siin* are also explainable phonologically by the single underlying form *-z-hVn* (ibid.; note, however, that the phonological rule for *-siin* there also relies crucially on the preceding PL.OBL morpheme), the distinction between *-hVn* after IN and *-nne*^x elsewhere (instead of **-s-se*^x for illative) remains unclear and is unlikely (though not impossible) to be linked by a phonological rule due to little phonological similarity.

Although Caha (2009) discusses Finnish case system, the only relevant remark is “The illative raises similar issues” (as genitive plural) in footnote 25 (Caha, 2009 p. 73).

Nanosyntax disallows context-dependent realizational rules (as explicitly stated, e.g., in (Starke, 2009)), but, if analysis in (Zelenskii, 2018) is on the right track, IN is realized as well, so the simple way of claiming illative affix corresponds to IN, Essive and Lative as opposed to Essive and Lative of *-nne^x* fails. Since inessive employs both IN *-s* and Essive *-nA* claim that *s* corresponds to both IN and Essive forcing a special Lative *-hVn* instead of Essive and Lative *-nne^x* is also unavailable. Same logic prevents claiming that *-nne^x* is Lative only and *l* is both AD and Essive. The puzzle remains, as far as I can see, unsolvable for Nanosyntax (unlike Distributional Morphology, which would provide a simple rule for Lative like *hVn* ⇔ [IN _], *-nne^x* ⇔ *default*).

Abbreviations:

V stands for the vowel mirroring the preceding one; A stands for harmony pair *a/ä* and the corresponding archiphoneme in the underlying forms; ^x reflects the “final aspiration” after an affix lengthening the consonant of the next word and can correspond to underlying final *h* or *γ* (*pace* Kiparsky, 1982) – for the affix *-nne^x* it is impossible to determine which one.

References:

- Caha, Pavel: Nanosyntax of case. – Tromsø: University of Tromsø, 2009. – Ph. D. dissertation.
- Kiparsky, Paul: How abstract is phonology? // Explanation in phonology. – Dordrecht: Foris Publications, 1982.
- Starke, Mihal: Nanosyntax: A short primer to a new approach to language // Nordlyd / ed. Svenonius Peter, Ramchand Gillian, Starke Mihal, Taraldsen Knut Tarald. - Tromsø: CASTL, 2009. - 1 : Vol. 36. - pp. 1–6.
- Zelenskii D. M.: Generativno-fonologicheskoe opisanie fonologicheskoy sistemy literaturnogo finskogo yazyika [An analysis of the Finnish phonological system based on generative phonology]. – Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2018. – BA thesis.